

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова»

И.Р. Атнагулов

**ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКУЮ
ЭТНОЛОГИЮ
БАШКИР И НАГАЙБАКОВ**

Утверждено Редакционно-издательским советом
в качестве учебного пособия

Магнитогорск
2016

УДК 39(075)

Рецензенты:

Доцент кафедры истории России и зарубежных стран
ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»,
кандидат исторических наук

А.А. Рыбалко

Профессор кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова», доктор исторических наук

Ю.Д. Коробков

Атнагулов, И.Р.

Введение в историческую этнологию башкир и нагайбаков:
учеб. пособие / И.Р. Атнагулов. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск.
гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. – 90 с.

ISBN 978-5-9967-0832-1

Представлена комплексная культурно-антропологическая характеристика двух из четырёх тюркоязычных народов, исторически сложившихся на территории Южного Приуралья и являющихся коренными народами Челябинской области – башкир и нагайбаков. Текст снабжён таблицами по этнической демографии и словарём терминов.

Пособие предназначено для самостоятельной подготовки обучающихся по направлениям 050100.62 «Педагогическое образование (История и право)», 44.03.01 «Педагогическое образование (История)», 46.03.01 «Педагогическое образование (История)», к семинарским занятиям, контрольным работам, тестированию, зачету и экзамену.

УДК 39(075)

ISBN 978-5-9967-0832-1

© Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г.И. Носова, 2016
© Атнагулов И.Р., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ОБЩАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ	5
БАШКИРЫ	8
НАГАЙБАКИ	28
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	59
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	65
ПРИЛОЖЕНИЯ	74

ВВЕДЕНИЕ

Изучение этнического состава населения осуществляется в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом в рамках курса «Этнология» студентами, обучающимися по программе бакалавриата направления подготовки «История». Одним из важнейших структурных элементов содержания курса является раздел «Народы России», в котором наибольшее внимание уделяется изучению этнического состава населения Южного Приуралья.

Получая теоретические знания по основам этнологии, бакалавр истории обязан осуществлять практическое их применение с целью выработки профессиональных навыков и умений. В силу ряда обстоятельств – географического положения МГТУ им. Г.И. Носова, профессиональной подготовки профессорско-преподавательского состава, опыта научной работы, стратегии полевых экспедиционных исследований Лаборатории археологических и этнографических исследований – является целесообразным приоритетное изучение этнологии народов Южного Приуралья.

Данный регион является сформировавшейся историко-этнографической областью с длительными межэтническими контактами и взаимодействиями между народами, относящимися к различным языковым семьям и группам, хозяйственно-культурным типам, религиям и т.д. Современная этническая картина Южного Приуралья сложилась примерно за последние четыре столетия. Среди населения региона выделяются три основных этнических массива – тюрки (башкиры, татары, нагайбаки, казахи), славяне (русские, украинцы, белорусы) и финно-угры (мордва, мари́йцы, удмурты). Народы славянской группы являются позднейшими мигрантами в регионе. Они же, в основном русские, составляют здесь этническое большинство. На втором месте по численности находятся народы тюркской группы. Они присутствуют повсеместно, практически в каждом районе Республики Башкортостан, Челябинской, Курганской и Оренбургской областей, а также во всех средних и крупных городских поселениях. В отдельных районах юго-восточной Башкирии и севера Челябинской области тюркское население превышает половину от общего числа жителей.

Настоящее учебное пособие предлагает вниманию читателя историко-этнологические (историко-антропологические) материалы по двум тюркским этносам региона – башкирам и нагайбакам. Основной целью публикации является помощь студентам при подготовке к семинарским занятиям, зачёту, экзамену, выполнении курсовых и выпускных квалификационных работ по дисциплине «Этнология».

ОБЩАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Территория Южного Приуралья включает в свой состав Предуралье – западный склон Уральских гор с прилегающими к нему центральными и западными районами Республики Башкортостан и Зауралье – восточный склон с прилегающей к нему равниной – Зауральским плато, на котором находятся восточная часть Челябинской и Курганская области. В соответствии с современным политико-административным устройством к территории Южного Приуралья относятся Челябинская, Курганская и Оренбургская области, а также Республика Башкортостан. В соответствии с административным делением Российской Федерации Челябинская и Курганская области относятся к Уральскому, а Оренбургская область и Республика Башкортостан к Приволжскому федеральным округам.

Народы, относящиеся к тюркской группе, вместе с монгольской, тунгусо-маньчжурской, корейской и японской объединяются в единую алтайскую языковую семью (или макросемью). Даже беглого взгляда достаточно для того, чтобы оценить географию распространения и степень культурных различий между данными народами. Все они являются носителями языков, общим предком для которых был язык древнего алтайского населения. В процессе исторического развития носители древнеалтайских языков расселились так широко, что современные алтайские языки оказались распространёнными среди такого большого числа не родственных по отношению друг к другу народов, что образовалось несколько вполне самостоятельных и мало похожих друг на друга групп. Существенные различия между этими группами выстраиваются по разным признакам – лингвистическим, физико-антропологическим, комплексам этнокультурных черт.

Из алтайской семьи народов нас интересует тюркская группа, поскольку именно она представлена в урало-поволжском регионе. Из числа народов данной группы здесь расселены башкиры, татары волго-уральские (далее – татары), нагайбаки и казахи, которые в дальнейшем и будут являться объектом нашего изучения. Тюркские народы Поволжья и Приуралья по своему генезису и всему комплексу этнических признаков имеют как сходные черты, так и особенности, существенно отличающие их друг от друга. Во-первых, по лингвистической классификации все они входят в кыпчакскую (северо-западную) подгруппу тюркских языков, куда, кроме них, включаются татары сибирские, астраханские, часть крымских, киргизы, каракалпаки, часть узбеков, ногайцы, кумыки, карачаевцы и балкарцы. Здесь следует отметить также, что все современные тюркские языки обнаруживают родство, которое демонстрирует близость этих языков, во многом бо́льшую, чем, например, славянские или финно-

угорские языки. Среди всех тюркских языков, пожалуй, более всего выделяются чувашский и якутский. Они обладают некоторыми чертами, не свойственными тюркским языкам. В чувашском много заимствований из финно-угорских, в якутском – из тунгусо-маньчжурских языков. В основе современного чувашского языка лежит язык средневековых тюрко-булгар, исчезнувший в эпоху Золотой Орды. Например, языки казахов, татар или башкир, несмотря на географическую близость их с чувашами, принципиально генетически ближе к более отдалённым в географическом отношении турецкому или хакасскому языку. Во-вторых, в плане формирования и развития хозяйства и материальной культуры у этих четырёх народов имеются как сходства, так и различия.

Нагайбаки и татары имеют ряд общих черт (преобладание земледелия, типы жилищ, развитие комплексов одежды до нач. XX в.). По некоторым показателям татары и нагайбаки сближаются с соседними поволжско-финскими народами – марийцами, удмуртами и мордвой. Хозяйство и культура башкир, в отличие от нагайбаков и татар, формировалась на основе кочевническо-скотоводческой системы. Духовная и материальная культура татар и башкир имеет много общего. Особенно эта близость всегда была видна в татарско-башкирском этническом пограничье, проходящем с севера на юг по территории западных районов республики Башкортостан. Здесь вместе с чертами культуры произошло и языковое сближение двух народов, что во многом затрудняет этническую диагностику башкирского и татарского населения региона. Вместе с тем юго-восточные и северо-восточные башкиры имели этнографические особенности, отличавшие их от западных башкир и тем более от татар и нагайбаков. Эти отличия проявляются в физической антропологии, хозяйственно-культурном типе, лингвистических признаках, материальной культуре.

Физическая антропология фиксирует ряд особенностей тюркского населения региона, проявляющего черты как минимум двух больших рас и множества локальных антропологических типов. Здесь необходимо отметить сочетание различных типов европеоидных и евромонголоидных элементов в различном соотношении у всех четырёх народов. В среднем наибольший процент европеоидности фиксируется у татар и нагайбаков, в меньшей степени – у башкир и казахов. Монголоидные черты фиксируются в уралоидных группах татар и башкир, а также в южносибирском варианте у казахов и среди некоторых немногочисленных представителей юго-восточных башкир.

Помимо того, что эти четыре народа относятся к одной языковой группе, имеют ряд других признаков, сближающих их, они также исторически складывались в одном регионе и имеют общие исторические судьбы, что и позволяет нам рассматривать их вместе. Предлагаемое издание посвящено историко-антропологическому исследованию башкир и

нагайбаков. Это первая часть общего учебного пособия по тюркским народам Южного Приуралья. В разделе о башкирах автор использовал корпус источников и литературы, изданных в разное время. В основном это исследования кон. XIX – нач. XX в. – А.Н. Абрамова, Н.М. Малиева, С.И. Руденко, В.И. Филоненко; советского периода и рубежа XX – XXI вв. – Р.Г. Кузеева, Р.М. Юсупова, С.Н. Шитовой, А.З. Асфандиярова, Н.В. Бикбулатова и др., а также статистические материалы – данные переписей населения с 1897 по 2010 гг. Материал по нагайбакам является результатом многолетних полевых исследований автора. Здесь же привлекаются результаты других учёных, на протяжении ряда лет занимавшихся нагайбаками, – Н.А. Халикова, Р.Ф. Уразмановой, С.В. Суловой и др., архивные материалы, изученные автором и данные переписей населения и прочих статистических документов разного времени.

БАШКИРЫ

По материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность башкир в России составляла 1 584 554 чел¹. После русских, татар и украинцев это четвёртый по численности народ в стране. Всё население, идентифицирующее себя как башкиры или башкирский народ, обладает вполне сформировавшимся устойчивым общегрупповым самосознанием. Подтверждением тому является абсолютно повсеместное использование единственного, безальтернативного и безвариантного эндоэтнонима. Даже родоплеменная структура башкир со свойственной ей номенклатурой локальных самоназваний не вступает в конкуренцию с общепринятым самоназванием – *bašqort* (ед. ч.), *bašqorttar* (мн.ч.).

Занимаясь исследованием происхождения данного этнонима, Н.А. Баскаков отмечает, что он фонетически соответствует более сложному сочетанию *bašqyrt* ~ *bašqurt*². Средневековые источники передают этот этноним в различных транскрипциях. Арабские исторические сочинения отмечают башкир названиями *bašqird*, *bašqard*, *badšqard*³, венгерские хроники, передающие, по мнению Н.А. Баскакова, более точную транслитерацию, называют башкир как *bašqard*, *bašqart*, *pašqatyr* (в венгерской орфографии *basqard*, *basqart*, *pasqatyr*)⁴. В тех же источниках он обнаруживает следующие варианты этимологии этнонима башкир: *Bašqurt* < *baš* (голова, главный, вожак) + *qurt* (волк) > *baš qurt* «волк-вожак» – как тотем башкир, в соответствии с которым они выработали эндоэтноним⁵. *Bašqurt* < *baš* (голова, главный, вожак) + *qurt* (пчела – диалектн.) > *baš qurt* «матка пчелиная» – эндоэтноним, появившийся в связи с одним из распространённых видов занятий – пчеловодством⁶. *Bašqurt* < *baš* (главный) + *qart* (старик) > *baš qurt* «главный аксакал» – эндоэтноним, возникший как следствие древних патриархально-родовых отношений⁷. *Bašqurt* < *baš* (голова, главный) + *qur* (племя) + *-t* (аффикс множественного числа) > *baš qur* + *t* «люди главного племени»⁸. *Bašqurt* < *beš* (пять) + *oγur* (название племени огуров) + венгерское окончание – *d* > *beš(o)γurd* > *bašγurd* > *bašqyrt* – «пять огуров» (ср.: *on-oγur* – «десять огуров», *toqiz-oγuz* – «девять огузов») ⁹. Основываясь на предположении

¹ Перепись 2010.

² Баскаков, 1984. С. 13-17.

³ Хвольсон, 1869; Крачковский, 1939.

⁴ Аннинский, 1940. С. 85-92.

⁵ Рычков, 1896; Филоненко, 1915.

⁶ Мрясов, 1926.

⁷ Там же.

⁸ Беишев А, 1962. С. 94-95.

⁹ Баскаков, 1984. С. 13.

В.Н. Татищева¹ о болгарском происхождении башкир, Н.А. Баскаков ещё в 1929 г. предлагал собственную гипотезу идентичности этнонимов *bašqart ~ bulyar*². Подвергая тщательному анализу все вышеизложенные гипотезы, он считал наиболее вероятной этимологию, предложенную венгерским исследователем Д. Неметом, согласно которой название народа восходит к племенному союзу огуров – *beş oyurd* («пять огуров»)³. В настоящее время среди специалистов нет общего мнения по этой проблеме, поэтому вопрос о происхождении этнонима остаётся открытым⁴.

Впервые в письменных источниках этноним башкир упоминается в работе Ахмеда ибн-Фадлана⁵. В 921–922 гг. он в составе дипломатической миссии отправился из Багдада в Волжскую Булгарию. Маршрут путешествия пролегал через Иран, Среднюю Азию, западноказахстанские степи, затем вдоль р. Волги к столице Волжской Булгарии. После перехода через р. Урал Ибн-Фадлан сообщает, что они попали к тюркам, под названием аль-Башгирд⁶. Судя по маршруту, арабы встретились с западными группами башкир. По данным Ибн-Фадлана, они представляли многочисленный и сплочённый народ, обладающий общим языком, самосознанием и имеющий родоплеменную структуру. Главным занятием башкир было кочевое скотоводство и военные набеги на соседей. Кроме того, автор произведения отметил ещё целый ряд этнографических особенностей народа из повседневного быта. Наблюдения Ибн-Фадлана были едва ли не единственными в литературе средневековья, изложенными самим очевидцем. В работах других авторов той эпохи (Ибн-Русте, Масуди, Гардизи, Идриси, В. Рубрук, П. Карпини и др.) излагаются данные о башкирах, полученные из устных рассказов и не дошедших до нас сочинений более ранних очевидцев. Эти сведения во многом противоречивы⁷.

Тема этногенеза и ранних этапов исторического развития башкир является достаточно сложной и в ряде моментов продолжает оставаться дискуссионной. С древнейших времён территория Южного Приуралья представляла собой контактную зону разнообразных хозяйственно-культурных типов. Отдельные группы населения этой области различались друг от друга по языковой, хозяйственной и физико-антропологической принадлежности. Кочевники-скотоводы, населявшие лесостепную и степную зоны, были ираноязычными с выраженными европеоидными чертами южного типа, в то время как их северные соседи – лесные земледельцы, охотники и рыболовы принадлежали к прафинноугорской этноязыковой общности и обладали признаками уральской расы.

¹ Татищев, 1768. Кн. 1. Гл. 22.

² Баскаков Н.А. Там же.

³ Там же.

⁴ Бикбулатов, 2002а. С. 10.

⁵ Ковалевский, 1956, с. 130.

⁶ Книга Ахмеда ибн-Фадлана.

⁷ Кузеев, 1974. С. 9.

Начальные этапы формирования башкир происходили в период истории Южного Приуралья, когда постепенно, несколькими волнами, из различных регионов сюда продвигались тюркоязычные племена. Тюркизация населения Южного Приуралья началась, по археологическим данным, вероятно ещё в III–IV вв.¹ Господствующими этническими компонентами региона до этого времени были народы финно-угорской и иранской языковых групп, представленные пьяноборской и карабызской археологическими культурами, а также сарматскими памятниками. Не позднее кон. IV в. прежние археологические культуры перестают существовать, а в междуречье р. Белой и Уфы археологами обнаруживаются свидетельства присутствия новых племён, пришедших возможно с юга и занимавшихся скотоводством. Некоторые исследователи считают, что это была первая в истории миграция тюркских племён на Южный Урал². По времени это событие совпадает с тем периодом, который в истории принято называть эпохой великого переселения народов, а через Южный Урал проходили пути следования гуннов. Археологические свидетельства гуннского присутствия имеются также в Среднем Поволжье и Прикамье.

Многокомпонентность этнического состава Южного Приуралья, многочисленные миграции населения в течение I тыс. н.э. усложняют изучение этногенеза башкир. Во второй половине I тыс. основными этноязыковыми группами Южного Приуралья были народы финно-угорской и тюркской групп. Господство этих двух компонентов среди местного населения явилось почвой для возникновения среди исследователей XX в. двух основных гипотез по вопросу о происхождении башкир – угорской и тюркской³. Очевидно, что угорские группы если и принимали участие в этногенезе башкир, то являлись более ранними по сравнению с тюркскими в Приуралье. В настоящее время большинство исследователей считают, что в этногенезе башкир решающую роль сыграли именно группы тюркского населения. Это подтверждается целым рядом данных – лингвистических, физико-антропологических, этнографических. По отдельным признакам башкиры обнаруживают связь с финно-угорскими, сармато-аланскими и монгольскими племенами.

Весьма интересный материал, во многом раскрывающий процесс этногенеза башкир, предоставляет физическая антропология. Расовые (антропологические) типы башкир, фиксируемые у различных территориальных групп, свидетельствуют о многокомпонентности их этнического субстрата. Они отражают широкий спектр физико-антропологических типов населения внутренней части Евразии от Восточно-Европейской равнины до Западной и Южной Сибири. Физическая антропология баш-

¹ Бикбулатов, 2002а. С. 14.

² Там же.

³ Там же. С. 15.

кир повторяет общие закономерности становления расового состава населения этого региона за последние примерно три-четыре тысячелетия исторического развития. Изучение вопроса физического становления башкир помогает раскрывать многие вопросы в изучении физической антропологии всего данного макрорегиона – от Среднего Поволжья и Прикамья до Западной и Южной Сибири.

Изучением физической антропологии башкир занимались различные исследователи. В кон. XIX – нач. XX в. это Н.М. Малиев, П.С. Назаров, Д.П. Никольский, А.Н. Абрамов¹. Первое крупное исследование, посвящённое антропологии башкир, было опубликовано в 1916 г. С.И. Руденко². Во всех публикациях отмечался весьма неоднородный антропологический состав башкир, а С.И. Руденко по физико-антропологическим показателям выделяет у них три географические группы – юго-западную, северо-западную и восточную. В 1960-х гг. исследования по физической антропологии башкир проводила М.С. Акимова. По результатам её исследований было выделено четыре антропологических типа башкир – субуральский, южносибирский, светлый европеоидный и понтийский. Все обозначенные типы имеют отдельную локализацию. По мнению автора, субуральский характерен в большей степени для северных и северо-западных лесных групп; южносибирский чаще всего встречается среди северо-восточных и зауральских башкир; понтийский тип распространён среди населения р. Дёма и у юго-западных и горно-лесных башкир³. Новые данные, значительно расширившие представления об антропологии и этногенезе башкир, были получены в 1980-х гг. В ходе советско-финляндских экспедиционных исследований под руководством А.А. Зубова на территории Стерлибашевского, Архангельского и Илишевского районов Башкирской АССР привлекались материалы по целому комплексу антропологических характеристик населения – соматологические, одонтологические, дерматоглифические, краниологические. Главным научным результатом экспедиции было выявление основного физико-антропологического субстрата башкир – уральского типа. Он является древнейшим в регионе и принял участие в формировании финно-угорского и тюркского населения от Западной Сибири до Финляндии⁴.

Ряд экспедиционных исследований по изучению краниологии башкир был проведён в 1977–1987 гг. на территории Башкирской АССР, Пермской и Челябинской областей под руководством уфимского антрополога Р.М. Юсупова. Краниологические материалы также подтверждают результаты предыдущих исследований по местам локализаций основ-

¹ Малиев, 1876; Назаров, 1890; Никольский, 1899; Абрамов, 1907.

² Руденко, 1916, 1955.

³ Акимова, 1974, 1973.

⁴ Юсупов, 1987; Долинова, 1987.

ных антропологических типов, принявших участие в физическом становлении башкир. Восточные популяции башкир обнаруживают связи с тюркоязычным населением Сибири (хакасы, шорцы), Средней Азии и Казахстана (киргизы, казахи) и обскими уграми (ханты, манси). Западные группы башкир по физико-антропологическим характеристикам сближаются с поволжско-камскими финнами (марийцы, удмурты) и тюрками (татары, чувашаи). В меньшей степени с обскими уграми. Новым в исследовании Р.М. Юсупова было определение степени гомогенизации антропологического типа башкир, который, по мнению автора, проявляет устойчивое нарастание в хронологическом направлении. Особенно среди женских групп. Как считает уфимский исследователь, это совпадает с вектором этнической консолидации башкир, которая в сравнении с биологическими процессами проходит гораздо быстрее¹.

Таким образом, становление современного антропологического облика башкир прошло ряд исторических периодов, которые были связаны с различными этническими группами. Наиболее древними слоями в этом процессе были уралоидные финно-угорские племена, связанные с пьяноборской (III в. до н.э. – II в. н.э.) и бахмутинской (V–VIII вв.) археологическими культурами. Отчасти синхронно (VII в. до н.э. – IV в. н.э.) в Южном Приуралье обитали группы южно-европеоидного (тёмнопигментированного) понтийского типа. Это были ираноязычные савромато-сарматские группы. Среди современных башкир уралоидный и понтийский типы, в наибольшей степени проявляющие европеоидные признаки, фиксируются среди центральных, западных и северных групп. Монголоидный комплекс южносибирского типа появляется у башкир относительно поздно и связан с кочевниками IX–XII вв. Распространение южносибирского типа получает завершение в золотоордынский период в связи с расселением среди башкир групп кыпчаков. Монголоидные признаки южносибирской расы нарастают у северо-восточных и юго-восточных групп, а особенно среди зауральских популяций башкир. И, наоборот, уменьшаются по мере продвижения в сторону юго-западных, северо-западных и северных групп. По основным морфологическим показателям башкирские популяции с признаками южносибирской расы обнаруживают сходство с представителями этого же антропологического типа на территории Казахстана, Средней Азии и Алтая, но в отличие от них у башкир в среднем монголоидность выражена меньше².

Башкирский язык относится к поволжско-кыпчакским языкам кыпчакской подгруппы тюркской группы алтайской семьи языков. Он делится на два диалекта: восточный (куваканский) и южный (норматинский). Башкирские исследователи Н.Х. Ишбулатов и другие выделяют

¹ Бикбулатов, 2002а. С. 22-23.

² Юсупов, 2002. С. 23-24.

также третий – северо-западный диалект, который, по мнению казанских исследователей, входит в систему говоров татарского языка¹. Наиболее близким языком к башкирскому является татарский. Отличия между ними в отсутствии в исконно тюркских словах фонемы **h* (> *c*), наличии в них специфических согласных *h* (в начале слова и слога вместо **c*), межзубных [θ] (в середине и конце слова вместо **c*) и [ð] (в середине и конце слова вместо **z* и отчасти **d*), большей вариативности аффиксов (до 16 алломорфов), неполном совпадении состава исконно тюркской лексики².

До 1917 г. башкиры пользовались письменным «тюрки», а с начала XX в. и до 1920-х гг. татарским литературным языком. После образования первой башкирской автономии в 1919 г. началась разработка единых норм башкирского литературного языка, который в итоге вобрал элементы обоих диалектов. Алфавит башкирского языка, разработанный на арабской графической основе, прошёл официальную процедуру утверждения в декабре-январе 1923–1924 гг³. В 1928 г. произошла смена графики на латиницу, а в 1939 г. был осуществлён переход на кириллицу, которой обслуживается башкирское письмо и поныне. Особенности языковой идентичности башкир северо-западных групп являлись дополнительной трудностью для республиканского руководства в деле осуществления языковой консолидации народа. Во время проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. северо-западные башкиры, считавшие своим родным языком татарский, являлись объектом административного давления со стороны республиканского руководства. Диалектные различия внутри башкирского языка, а также татарская языковая идентичность большинства северо-западных башкир являются подтверждением наличия сложных этногенетических и этнокультурных контактов в процессе формирования современного башкирского народа. Северо-западные башкиры являются примером того, что языковая и этническая самоидентификации не всегда являются тождественными.

Хозяйственно-культурный тип башкир является прекрасным наглядным материалом, иллюстрирующим многокомпонентность их генезиса. Он представляет весьма сложный комплекс, который сформировался на стыке как минимум трёх больших систем – степной (кочевническо-скотоводческой), лесостепной (оседлоземледельческой) и таёжной (преимущественно с присваивающими видами деятельности). Все три системы, повлиявшие на становление хозяйственно-культурного типа башкир, связаны с теми физико-антропологическими компонентами, которые приняли участие в этногенезе данной группы. По сути, эти хозяйственные системы не перемешались окончательно, и во многом продол-

¹ Татары. С. 27.

² Лингвистический энциклопедический словарь. С. 71.

³ Сафин, 2004. С. 157.

жали оставаться самостоятельными, определяя один из главных видов занятий для какой-либо группы. Выделяются три основные хозяйственно-культурные зоны башкир – восточная, с преобладанием скотоводства, центральная, с преобладанием охотничьих и других лесных промыслов, и западная, с преобладанием земледелия. Хозяйство башкир, таким образом, тоже отражает исторические связи этноса, как с народами Центральной Азии и Сибири, так и Восточной Европы.

Наиболее распространённым видом хозяйственной деятельности башкир исторически и традиционно являлось скотоводство. Древнебашкирские племена входили в состав большой системы кочевническо-скотоводческой культуры степной и лесостепной частей Евразии, включавшей большое число народов, принадлежавших к разным языковым семьям и физико-антропологическим типам. Башкирское скотоводческое хозяйство развивалось на периферии этого большого мира, в условиях сложных природно-ландшафтных сочетаний, этнокультурных контактов и политических условий. Всё это повлияло на особенности башкирского скотоводства. Переход от классического экстенсивного кочевого скотоводства к полукочевому происходил в период с X по XV вв.¹. Круглогодичное меридиональное кочевание от Южного Приуралья до Приаралья и Каспия становилось всё более невозможным в связи с интенсивным продвижением большого числа племён (кипчаки и др.), расселение которых в степи приняло законченную конфигурацию в золотоордынскую эпоху. В результате башкирские племена были вынуждены освоить экологические ниши лесостепной и лесной зон. Это, безусловно, повлияло на дальнейшее развитие хозяйства и быта народа. Раньше всего на стойловое скотоводство перешли западные группы башкир. На момент присоединения к России в сер. XVI в. они были уже практически оседлыми.

Полукочевое скотоводство сохранялось среди юго-восточных, северо-восточных и зауральских башкир. Эти группы, согласно жалованым грамотам Ивана IV, имели юридические права на пользование землями по Миассу, Синаре, Тече и другим сибирским рекам, где они устраивали летние кочевья, основывали аулы для зимовок, занимались охотой². Начиная с XIX в., в связи государственными реформами, проводимыми в Оренбургской губернии, башкирское скотоводство приходит в упадок. В некоторой мере скотоводческий тип хозяйства сохранялся до конца первой трети XX в. у юго-восточных и северо-восточных башкир. Для этих групп была характерна система зимних тебенёвок скота, с минимальным запасом сена на зиму. В западных ареалах расселения башкир скотоводство продолжало развиваться в виде стойлового, с большим запасом сена на зиму. Начиная с 1930-х гг. и по настоящее время, башкирское скотоводство развивается как в системе коллективных и прочих хо-

¹ Кузеев, 1968. С. 280.

² Шитова, 2002. С. 46-47.

зяйств с животноводческой специализацией, так и в секторе частных, индивидуальных хозяйств пастбищно-стойлового содержания.

Для башкир, как и для большинства кочевническо-скотоводческого населения степной Евразии, были характерны две специализации – коневодство и овцеводство. Башкирская лошадь представляет местную породу, выведенную из эндемичных степных и лесных видов и отличающуюся небольшим ростом, но при этом особой выносливостью и неприхотливостью. Выращивание этих пород лошадей связано, в основном, с транспортными задачами, частичным обеспечением мясной составляющей системы питания и для производства кумыса. Овцеводство в прошлом являлось важнейшей отраслью наряду с коневодством, обеспечивавшей башкирам значительную часть сырьевой базы мясного рациона, а также производство шерсти и кожи. Разводили в основном калмыцких курдючных овец и простых грубошёрстных. Овец не доили, но разводили для этого коз. Крупный рогатый скот в прошлом башкиры не держали, но с переходом на оседлость и особенно во второй половине XX в. стали выращивать коров. Кроме мяса, крупный рогатый скот является основным поставщиком сырья для изготовления всевозможных молочнокислых продуктов, столь характерных для кочевническо-скотоводческой системы питания.

Система земледелия башкир складывалась под влиянием восточноевропейских соседей, а точнее, ближайшего оседлоземледельческого населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Судя по целому ряду русских документов, западные группы перешли на земледельческое хозяйство не позднее второй половины XVII в¹. Система землепользования башкир того времени соответствовала той, которая издавна господствовала в регионе среди удмуртов, марийцев, чувашей, татар и др. – подсечная в лесной зоне и переложная в степной. С XVIII в. начинает распространяться трёхпольная система. Основными возделываемыми культурами являлись пшеница, рожь, овёс и ячмень. Различной была география распространения злаков: на севере сеяли рожь, в степной зоне – пшеницу, в Зауралье – преимущественно рожь и ячмень. При интенсивном развитии пашенного земледелия в России и Оренбургской губернии в частности у некоторых групп башкир горной зоны сохранялся архаичный тип земледелия, характерный для скотоводческих народов – бурят, алтайцев, киргизов и др. Небольшие участки пашни, засеянные просом или ячменём, огороженные лёгким забором, располагались на склонах гор. Их обрабатывали при помощи деревянной сохи. Этим занимались не все семьи, а только те, у которых была возможность иметь тягловый скот и нанимать работников. Орудия, использовавшиеся при таком земледелии, соответствовали подобным у других тюркских народов².

¹ Шитова, 2002. С. 75.

² Там же. С. 82-83.

В течение XIX – нач. XX в. среди земледельческих хозяйств башкир Уфимской и Оренбургской губерний начинают культивироваться гречиха, горох, просо, полба. Среди технических культур наибольшее распространение имели конопля и лён. В середине XIX в. башкир, как и прочих казаков этого региона, войсковое начальство принуждало к занятию огородничеством. В годы кантонного управления им вменялось в обязанность выращивать картофель и капусту. Некоторые группы башкир (пермские, челябинские) добровольно для собственных нужд выращивали картофель, лук, репу, морковь, капусту, огурцы. Наиболее массово овощеводство среди башкир, как и прочего населения региона, стало развиваться с 1930–1940-х гг.

Для башкир в течение длительного времени их исторического развития важную роль играли также присваивающие виды хозяйств. Охотничий промысел известен всем группам башкир, но имеет свои особенности у разных групп. У северо-западных, северных и горно-лесных сложились приёмы и способы охотничьего хозяйства, характерного для сибирской таёжной зоны. Кроме обычных средств – лука и стрел, применялись всевозможные ловушки, капканы при охоте на волка, лису, зайца, птицу. Практиковалась ночная охота при свете факелов. На медведя охотились при помощи копья, рогатины, самострелов, других приспособлений, а также огнестрельного оружия. Одним из основных объектов лесной охоты был пушной зверь – куница, лиса, бобр и др. После вхождения в состав России башкиры в качестве ясака должны были поставлять пушнину. Башкиры юго-восточные, проживавшие в степной зоне, использовали другой способ охоты, известный также казахам. Здешние охотники пользовались ловчими птицами – соколами и ястребами. Была популярна гоньба зверя верхом на лошади с помощью собак. Основными объектами охоты являлись волки, лисицы, зайцы, водоплавающая птица. Охотничьи промыслы башкир, как по приёмам, так и по снаряжению, отражают этногенетические связи с народами Средней Азии и Сибири. В XVIII – XIX вв. с развитием горнорудной промышленности, строительством крепостей и городов, интенсивными демографическими процессами охотничье хозяйство башкир приходит в упадок. Число охотников среди башкир продолжало сокращаться и в течение XX в.¹ Рыболовство среди башкир не являлось обеспечивающим видом хозяйства. Речную и озёрную рыбу ловили бедняки либо при массовом падеже скота. Башкирам были известны различные приёмы рыбной ловли – сетью, западнёй-мордой, удочкой, стрелами, острогами, лопатками, жердью с петлёй, запрудами и запорами².

Сбор мёда диких пчёл – один из древнейших видов присваивающей деятельности человечества. Башкиры, как и многие другие народы,

¹ Шитова, 2002. С. 72.

² Там же. С. 73–74.

занимались этим промыслом. Мёд, наряду с пушниной, являлся главным продуктом, вывозимым башкирами на внешние рынки. Ясак, выплачиваемый башкирами Русскому государству, также состоял из пушнины и мёда. В XVII–XVIII вв. у башкир было распространено бортное пчеловодство¹. География пчеловодства охватывала северные, северо-западные и горно-лесные районы. Башкиры юго-восточные и степной зоны пчеловодством долгое время не занимались. Хозяйственно-культурный тип кочевого и полукочевого скотоводства исключал данный вид деятельности. В настоящее время пчеловодство среди башкир распространено повсеместно, в основном пасечное. Бортное пчеловодство сохраняется в Бурзянском районе Республики Башкортостан.

Распространение ремёсел, связанных с обработкой материалов, также связано с географией хозяйственно-культурных типов башкир. Для юго-восточных групп была характерна обработка материалов животного происхождения – шкуры, кожи, шерсти и т.п. В основном использовались шкуры овец, коз, коров, лошадей и верблюдов. Способы обработки были различными, но характерными для всех кочевников. Например, полностью совпадали с подобными технологиями у казахов. Обработка шкур производилась с помощью кисломолочных продуктов и дымлением в специальных помещениях². Из шкур делали верхнюю меховую одежду мужскую и женскую. Из кожи изготавливали сосуды для жидкостей, снаряжения для верховой езды, пояса, сумки, колчаны. Способы художественной обработки кожи включали такие приёмы как тиснение, резьба, аппликация и др³. Жители северо-западных и горно-лесных районов широко применяли обработку дерева. Дерево в башкирском хозяйстве имело широкое применение: при сооружении жилищ (переносных и стационарных), хозяйственных построек, орудий труда, транспортных средств, посуды и прочей утвари. Технология обработки деревянных изделий включала такие приёмы, как резьба, долбление, плетение. У башкир-земледельцев было известно прядение и ткачество из растительного сырья – конопли, льна, крапивы. Ткацкий стан имел ту же конструкцию, что и у поволжских татар. Подобные виды хозяйственной деятельности свидетельствуют о тесных связях башкир с культурой народов Среднего Поволжья и Прикамья.

Обработка металла до XVII в. была широко распространена среди всех групп башкир. В качестве сырья использовались местные руды, которые на Урале имелись в избытке. Здешние кузнецы в основном изготавливали металлические части военного и хозяйственного инвентаря, а также недорогие ювелирные изделия, доступные широким массам. Высо-

¹ Шитова, 2002. С. 61.

² Бикбулатов, 2002. С. 90-91.

³ Там же. С. 91.

кохудожественные ювелирные украшения чаще всего были привозными из Средней Азии или Кавказа. Оттуда же башкирские ювелиры получали сырьё – серебро, камни, кораллы, жемчуг и т.п. В XVII–XVIII вв. башкирам, как и другим аборигенам Поволжья и Приуралья, было запрещено заниматься обработкой металла. Закрытие местных кузниц и строительство металлургических заводов на Урале привели эту отрасль хозяйства башкир в упадок¹. С развитием промышленности на Урале во второй половине XIX в. часть башкирского населения занималась работать на металлургических и других заводах, золотых приисках, солеварнях и т.д. В течение XX в. промышленная революция и урбанизационные процессы изменили картину занятости башкирского населения.

Эволюция башкирских поселений и построек связана с длительным процессом перехода от кочевого к оседлому хозяйству. Переходность этого процесса проявилась в том, что в период с XVII по нач. XX в. у башкир сосуществовали одновременно различные типы поселений и построек, характерные для различных хозяйственно-культурных систем и уровней экономического развития. Разнообразие этих типов также имеет чёткую географическую привязку в соответствии с распространением кочевническо-скотоводческого и оседлоземледельческого типов хозяйства. У северо-западных и северных групп башкир к XIX в. господствующим типом поселения являлась деревня с беспорядочной или регулярной планировкой. Возраст некоторых деревень составляет 250-300 лет². Населённые пункты юго-восточных и северо-восточных башкир были меньшими по размеру. Они возникли относительно недавно на месте бывших зимовок кочевников.

Основными типами жилищ башкир являлись следующие:

– Архаичные конической формы жердевые, покрытые берестой или войлоком постройки. В прошлом они были распространены широко за пределами Южного Приуралья. Однотипные постройки такой же конструкции были известны народам таёжной зоны от Восточной Сибири³ до севера Скандинавии⁴. Такие жилища характерны для населения, занимающегося охотничье-промысловым хозяйством. Вплоть до XX в. они существовали у зауральских башкир. В горной Башкирии подобного рода постройки сохранялись в XX в. как летнее жилище.

– Переносные решётчато-войлочные кибитки тюркского или монгольского типа. Тюркский тип сближался с казахским и был распространён среди юго-восточных башкир. Монгольский тип жилища был распространён среди северо-восточных и зауральских башкир. Подобный

¹ Бикбулатов, 2002. С. 92-93.

² Асфандияров, 2009. С. 9-10.

³ Тюхтенева, 2006. С. 404-405.

⁴ Лукьянченко, 2003. С. 84.

тип сложился среди всего кочевого населения Евразии и известен от Северного Причерноморья и Предкавказья до Забайкалья и Монголии. У юго-восточных башкир переносные жилища продолжали актуально функционировать вплоть до начала XX в. В настоящее время подобные сооружения устанавливаются во время праздничных действий.

– Стационарные жилища каркасно-столбовой, срубной и монолитной конструкций. Первые устанавливались на летовках, изготавливались из дерева и коры и были распространены у юго-восточных и зауральских башкир. Переходным от кочевого к оседлому типу жилищ у башкир являлся небольшой по размеру сруб, который устанавливали на летовках в горах. Он был однокамерным, без окон, иногда с очагом посередине. В начале XX в. такие постройки встречались в бассейне р. Инзера и Белой. Северные и северо-западные башкиры к XVII в. строили исключительно срубные четырёхстенные дома. Техника строительства изб была аналогичной народам Среднего Поволжья и Прикамья и типологически восходила к комплексам построек центра и севера Европейской части России. В течение XX в. срубные постройки получили широкое распространение среди большинства групп башкир. Население степной зоны, при переходе на оседлость, из-за недостатка древесины в качестве строительных материалов использовало глину, солому, камень, дёрн, саманный кирпич. К таким постройкам относились плетнёвые мазанки, саманные дома, плитняковые, дерновые. В планировке и убранстве интерьеров стационарных жилищ башкир сохранялись элементы юрты¹. Типы традиционного башкирского жилища также свидетельствуют о длительных и разнообразных этнокультурных контактах в Южном Приуралье. Эволюция башкирского жилища в течение XX – нач. XXI в. сопровождалась дальнейшими изменениями как в материалах и технике строительства, так и в планировке и внутреннем убранстве жилища. Всё это связано с техническим прогрессом и более тесными культурными контактами башкир с другими народами.

Комплексы одежды, обуви, головных уборов и украшений башкир, формировавшиеся до индустриальной эпохи, также отражают всю сложность и многокомпонентность генезиса народа и его культуры. Прежде всего, следует отметить отличие сырьевой базы при изготовлении одежды у северо-западных и северных башкир по сравнению с юго-восточными и зауральскими группами. Первые раньше освоили ткачество, а растительное сырьё (конопля, лён) в домашнем производстве одежды занимали значительный удельный вес. Вторые отдавали предпочтение сырью животного происхождения – шерсть, кожа, мех. Эволюция комплексов одежды башкир прошла длительный путь формирования от типично скотоводческой до форм, характерных для оседлого населения. В течение XIX – нач. XX в. на одежду башкир оказывали влияния как

¹ Шитова, 2002. С. 120-121.

веяния с мусульманского Востока, так и тенденции развития российской городской моды, особенно татарской. В течение XX в., с появлением одежды промышленного производства, развитие комплексов башкирской одежды происходило под влиянием тех же факторов, что и у населения всей страны – предложением лёгкой промышленности, покупательными способностями населения и личными вкусовыми предпочтениями. В кон. XX – нач. XXI в. абсолютное большинство башкир в повседневности носят стандартную для этого времени одежду, приобретённую в магазинах. Комплексы традиционной одежды, сложившиеся к середине XIX в. и называемые сейчас «национальным костюмом», используются деятелями культуры и прочим населением во время проведения праздников. В повседневном быту, однако, сохраняются отдельные элементы одежды, отражающие этническую специфику. Это касается в первую очередь головных уборов (тюбетейки, платки, шали), реже – обуви и верхней одежды (кожаные сапоги, валенки, бархатные камзолы, полушубки из овчины) и украшений (кольца, браслеты и т.п.).

Система питания башкир, как и прочие элементы народной культуры, складывалась в соответствии с развитием хозяйственных систем, сформировавшихся в ареалах как минимум трёх экологических пространств – степного, лесостепного и таёжного. Пища, особенно празднично-ритуальная, является наиболее консервативной частью народной культуры. Если праздничный стол ещё допускает определённые инновации, то ритуальный в наибольшей степени сохраняет исторически сложившийся регламент. Описание системы питания удобно осуществлять, используя историко-типологический метод¹, согласно которому главным водоразделом следует считать разграничение по линии пищи растительного и животного происхождения. У башкир как у народа, сложившегося на пограничье периферий кочевых и оседлоземледельческих культур, в традиционной системе питания пища растительного и животного происхождения по номенклатуре сырья, полуфабрикатов, снедей, блюд² и объёму потребляемой массы присутствует в примерно равных соотношениях. Некоторые вариации, допускающие увеличение или уменьшение доли одной из двух групп компонентов системы допустимы у отдельных географических групп, беря во внимание их хозяйственно-культурную специфику. Учитывая историю формирования хозяйственно-культурного типа башкир, в качестве наиболее древнего, субстратного слоя в системе питания следует выделить комплекс, характерный для кочевников Евразии. Этот комплекс сложился с решительным преобладанием животного сегмента над растительным в сырьевой базе. Животная пища подразделяется на мясную и молочную. В системе питания башкир оба вида представлены как в повседневной, так и в празднично-ритуальной кухне.

¹ Арутюнов, 1987. С. 209-210; Атнагулов, 2007. С. 32-33.

² Арутюнов, 1987. С. 207.

Как и у всех кочевников, основным мясным сырьём являются баранина и конина. Мясо диких животных и птицы использовалось эпизодически и не играло существенной роли в рационе. Употребление в пищу говядины и мяса домашней птицы возникает относительно поздно, в связи с переходом на оседлость и может рассматриваться как явление адстратно-суперстратное. Соответствует традициям кочевническо-скотоводческой кухни и способ термической обработки мяса – варка в котле. Редкое исключение составляли случаи жарки мяса диких животных на костре во время охоты¹. Способами длительной консервации мясопродуктов были соление, вяление и копчение. Распространённой мясной снедью являлись вяленые и сырокопчёные колбасы.

Молочная пища использовалась ежедневно и занимала существенную долю ежедневного рациона. У башкир, как и у всех кочевников, цельное молоко в сыром виде не употреблялось. Свежее молоко обычно использовали для приготовления крупяных каш или забеливания чая. Основная молочная кухня башкир представлена продукцией, прошедшей глубокую ферментационную переработку с более или менее длительными сроками хранения. Это кисломолочные напитки – кумыс, разновидности катыка, айран а также – сливки, творог и ряд творожных изделий. Молочной снедью с длительным сроком хранения являлся «корот» – высушенные с солью творожные шарики. Подобный продукт с похожими названиями имеет широкое распространение у различных тюркоязычных в прошлом кочевых народов². Вероятнее всего он восходит к древнейшему общетюркскому слою в системе питания башкир. Сливочное масло башкиры получали либо различными способами сбивания, либо снятием. С появлением сепараторов процесс производства масла и сливок ускорился. Отдельное место среди пищи животного происхождения занимают яйца и мёд. Поскольку домашних птиц стали держать относительно поздно, то яйца в традиционной кулинарии не играют заметной роли. Их добавляли в тесто, творог, ими заправляли супы. Иногда употребляли варёными или в виде омлета. Мёд является неотъемлемой частью рациона башкир повсеместно. Животноводческая пища башкир является хорошим материалом по изучению древнейших этапов истории и становления народа.

Пища растительного происхождения, как отмечалось, в системе питания башкир занимает вторую и не меньшую по объёму потребляемой массы часть рациона. Следуя выбранной методологии, отметим, что из двух типов растительного пищевого сырья, получаемого от земледелия или собирательства, у башкир с древнейших времён наибольшее распространение получил первый тип – земледельческий. Он включает в свой

¹ Шитова, 2002. С. 146.

² Тюхтенева, 2006. С. 400; Бутанаев, 2006. С. 575; Функ, 2006. С. 202.

состав два подтипа в соответствии с культурными растениями – источниками крахмала в пище: зерновые и незерновые (корнеплоды, клубнеплоды)¹. С древнейших времён предки башкир, как и прочие кочевники-скотоводы, употребляли ячмень, а в более позднее время его почти полностью вытеснила пшеница, отчасти – рожь, овёс и гречиха. Корнеплоды и клубнеплоды появились относительно недавно и также могут рассматриваться как явления адстратные. Наиболее ранним по времени способом обработки зерновых являлось использование в пищу цельных зёрен или молотого зерна в обжаренном виде. Такие способы обработки в прошлом имели широкое распространение среди большинства народов Евразии. У башкир подобная обработка зерновых сохраняется и поныне, только вместо ячменя используется пшеница. Более сложным способом кулинарной обработки злаков является варка цельного или молотого зерна. Сюда относятся различные каши, зерновые похлёбки, а также различного вида варёные тестяные изделия. В башкирской системе питания подобные изделия занимают обширную нишу и присутствуют как в повседневной, так и в празднично-ритуальной кухне. Третьим технологическим приёмом обработки зерновых являются различные способы запекания теста. Наиболее архаичным вариантом подобного рода производства является пресное тесто, запеченное на углях или камнях. Более поздние варианты – тесто сдобное или кислое, запеченное в специальных устройствах (печах). Для башкирской системы питания длительное время был характерен первый способ, типичный для кочевого хозяйства. В результате контактов с оседлоземледельческими народами появляются изделия из сдобного и кислого теста. Эволюция башкирской системы питания прошла длительный исторический путь по пути расширения сырьевой базы, увеличения ассортимента снедей и блюд. Переход к оседлому быту повлиял на появление блюд, комбинированных по сырьевому составу. В течение второй половины XIX и всего XX в. в рацион башкир вошли многие овощи и фрукты. Усовершенствовались способы термической обработки и консервации продуктов, увеличилось потребление продуктов промышленного производства. Использование в пищу дикорастущих видов было повсеместным. Собирали ягоды и травы, которые употребляли как в свежем виде, так и консервировали (сушили, перемешивали с маслом или творогом).

Общественное устройство башкир прошло исторический путь развития, основные этапы которого вписываются в общую периодизацию хронологии истории народов Поволжья и Приуралья, предложенную Р.Г. Кузеевым². Феодальные отношения у населения региона, по его мнению, просуществовали с рубежа I–II тыс. до нач. XX в. и прошли ряд закономерных периодов. Примерно до XI в. происходил распад родовых

¹ Арутюнов, 1987. С. 211.

² Кузеев, 1992. С. 307-309.

и зарождение феодальных отношений. В XI–XIII вв. возникает и развивается первое феодальное государство региона – Булгария Волжско-Камская. В это время происходила феодализация не только самих булгар, но и прочего населения, находившегося под её влиянием, в частности западных групп башкирских племён. В XIII – середине XVI в. феодальное развитие народов Поволжья и Южного Приуралья происходило под влиянием общественно-политических и культурных процессов, происходивших в Золотой Орде и ряде государств, образовавшихся после её распада – Казанском ханстве, Ногайской Орде и Сибирском ханстве. С середины XVI по середину XIX в. происходит адаптация традиционной феодальной системы башкир в феодально-политическое пространство России. Феодализация башкирского общества в составе России происходила не равномерно. Здесь также сыграл фактор исторически сложившихся культурно-экономических различий между различными группами башкир. Наиболее интенсивно феодальные отношения развивались у оседло-земледельческого населения и, наоборот, в гораздо меньшей степени – у групп скотоводческих¹.

Социальная организация башкир с древнейших времён складывалась в общей системе, выработанной народами, относившимся по хозяйственно-культурному типу к кочевникам-скотоводам, а по языковой принадлежности к тюркской и монгольской группам. География распространения этих народов к нач. II тыс. охватывала обширное пространство от Северного Причерноморья до Южной Сибири и от Южного Приуралья до Средней Азии. Особенность социальной организации подобных обществ состояла, во-первых, в разделении всего народа на отдельные крупные подгруппы – племена (башк. – *өлкән ырыу, ырыу, ил*), занимавшие определённые географические зоны. Во-вторых, в многоступенчатой, но чётко структурированной внутренней социальной организации племён, состоящей из трёх нисходящих звеньев – род (башк. – *тубә, аймак*), родовые подразделения (башк. – *ара, аймак, нәсел, током, бүлкә*) и отдельные семьи (башк. – *Ғаилә*)². Иногда число звеньев доходило до пяти, как, например, у кара-табынцев – восточной ветви племени табын³. В XVII–XIX вв. среди башкир выделялось 46 племён и 128 крупных родов⁴. Южные и юго-восточные башкиры делились на племена бурзян, кыпсак, тамьян, тангаур, усерган, юрматы. Юго-западные башкиры принадлежали к племени мин. Среди северо-восточных башкир выделялись племена ай, катый, кудей, салют, табын. Северо-западные башкиры состояли из племён гайна, ирәкте, тазлар, уваныш, уран. В нижнем течении

¹ Янгузин, 1989. С. 74-87; Там же. С. 107-122.

² Юсупов, 2002. С. 168.

³ Кузеев, 1992. С. 307-309.

⁴ Кузеев, 1978. С. 189.

р. Белой проживали племена гирей, дуван, елан, ельдяк, канлы, каршин, киргиз¹. Постепенный переход на оседлость ослабил родоплеменные связи башкир. У западных групп башкир по мере развития земледелия и роста экономической состоятельности отдельных семей родовые подразделения исчезли совсем и заменились соседской общиной. У восточного башкирского населения понятия о родоплеменной структуре сохраняются поныне.

После присоединения к России большинство башкир, за исключением северо-восточных и зауральских, оказались под административным подчинением Казанского уезда, затем – губернии, в составе которой был выделен Уфимский уезд, в 1708 г. преобразованный в провинцию. Ей управлял воевода, подчинявшийся приказу Казанского дворца. Земли северо-восточных и зауральских башкир входили в состав сначала Тобольского разряда, подчинявшегося Приказу Казанского дворца, затем с нач. XVIII в. – Сибирской губернии. С 1719 по 1744 гг. она находилась под особым ведением Сената, а затем вошла в состав Оренбургской губернии. Кроме того, земли, населённые башкирами по традиции, заведённой ещё в золотоордынскую эпоху, делились на четыре области – «дороги» (от монгольского «даруга» – область, округ). Земли на юг от г. Уфы по р. Белая и Дёма составляли Ногайскую дорогу, на северо-восток – Сибирскую, на запад – Казанскую, а узкая полоса к северу от Уфы, между Казанской и Сибирской дорогами – Осинскую. Каждая дорога состояла из нескольких волостей, которые включали территории расселения отдельных племён или родов. Наиболее крупными на территории Ногайской дороги были Бурзянская, Минская, Усерганская, Кыпчакская волости, Сибирской – Табынская и Катайская, Осинской – Гайнинская и др. Иногда земли одной волости находились в составе двух дорог. По мере распада родоплеменных отношений волости становились административно-территориальными единицами и дробились на более мелкие. Во главе волостей стояли старшины из числа наследственной знати: биев, тарханов, батыров. Указом Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. наследственные старшины были заменены выборными. В 1737 г. в составе Тобольской губернии была образована Исетская провинция, в которую вошли зауральские башкиры. В 1744 г. Уфимская и Исетская провинции вошли в состав Оренбургской губернии.

По окончании Крестьянской войны 1773–1775 гг. правительство Екатерины II провело губернские реформы. В ноябре 1775 г. были опубликованы «Учреждения для управления губернией Всероссийской империи», согласно которым страна была разделена на 50 губерний и наместничества во главе с генерал-губернаторами. В 1782 г. было образовано Уфимское наместничество, состоящее из двух областей: Уфимской и

¹ Юсупов, 2002. С. 169.

Оренбургской. Каждая область делилась на уезды. Уфимская на семь: Уфимский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Белебеевский и Стерлитамакский уезды. Оренбургская – на четыре: Оренбургский, Верхнеуральский, Бузулукский и Сергиевский уезды. В декабре 1781 г. Уфимскому наместничеству из Пермского был передан Челябинский, а в 1784 г. в составе Уфимского наместничества был образован Троицкий уезд. В сенатском указе от 12 декабря 1796 г. Уфимское наместничество вновь было переименовано в Оренбургскую губернию. В её состав теперь входили 13 уездов: Уфимский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Белебеевский, Бузулукский, Стерлитамакский, Оренбургский, Орский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский. Уезды делились на волости. 23 марта 1797 г. административный центр губернии был перенесён в г. Оренбург.

В 1798 г. была введена кантонная система управления уральскими, оренбургскими и башкирскими казаками. В крае были образованы 23 кантона, из них 11 – башкирские. До 1865 г., пока функционировала кантонная система, несколько раз менялось количество кантонов и их границы. Число их было доведено до двадцати восьми. Основная часть кантонов относилась к Оренбургской губернии, другие находились на территории Пермской, Самарской и Вятской губерний. В 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на две: Оренбургскую и Уфимскую. В последнюю вошли Уфимский, Стерлитамакский, Бирский, Мензелинский, Белебеевский и Златоустовский уезды, в которых преобладающим было башкирское население. В составе Оренбургской губернии остались Верхнеуральский, Оренбургский, Орский, Троицкий и Челябинский уезды. Часть башкир проживала в Пермской (Шадринский, Екатеринбургский, Красноуфимский и Осинский уезды), Самарской (Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды) и Вятской (Сарапульский, Елабужский уезды) губерниях.

Впервые башкирская автономия (так называемая Малая Башкирия) была образована 23 марта 1919 г. В составе Автономной Башкирской Советской Республики оказались волости, населённые башкирами Оренбургского, Орского, Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского, Бузулукского, Шадринского, Екатеринбургского, Красноуфимского, Златоустовского, Уфимского и Стерлитамакского уездов. Она включала в свой состав земли, населённые в основном юго-восточными и зауральскими башкирами. Административным центром республики было с. Темясово. В современных границах со столицей в г. Уфе Башкирская АССР сформировалась к 1936 г. С 11 октября 1990 г. стала называться Башкирская Советская Социалистическая Республика – Башкортостан. С 25 февраля 1992 г. и по настоящее время официальное название – Республика Башкортостан.

Динамика демографического развития башкир с 1897 по 2010 гг. менялась как в сторону уменьшения численности, так и в положительную сторону. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. этнический состав населения России не отражала, но фиксировала население по родным языкам. Для большинства населения страны самоидентификация по родному языку являлась также и этномаркирующей. Поэтому численность населения, отметившего башкирский язык как родной, можно с большой степенью достоверности считать как отражающую реальную численность башкир. Таковых в материалах переписи отмечено 1 321 363 чел. (прил. 1). Больше всего башкир насчитывалось в Уфимской (899 910 чел.) и Оренбургской (254 561 чел.) губерниях. Значительные группы башкир компактно проживали в Пермской (85 395 чел.) и Самарской (57 242 чел.) губерниях (прил. 2).

Резко уменьшилась численность башкир к 1926 г. Сказались последствия военных событий первых двух десятилетий XX в. и обнищание населения, сопровождавшееся общим демографическим спадом в стране. Всесоюзная перепись населения 1926 г. впервые ввела такой учётный параметр населения, как «национальная принадлежность». В списке народов СССР по материалам данной переписи было зафиксировано 176 названий, среди которых под этнонимом «башкиры» на территории РСФСР насчитывалось всего 712 366 чел. (см. прил. 1). Всесоюзная перепись населения 1939 г. проводилась при таком политико-административном делении Российской Федерации, границы областей и республик которой почти соответствовали современным субъектам. Всего по переписи этого года башкир в РСФСР насчитывалось 824 679 чел. (прил. 3). Из них на территории Башкирской АССР насчитывалось 671 188 чел. Значительные группы башкир были на территории Челябинской (70 538 чел.), Молотовской (28 952 чел.) и Чкаловской (22 484 чел.) областей. Административные границы последних двух соответствовали современным очертаниям Пермского края и Оренбургской области соответственно. В 1970 г. общая численность башкир в РСФСР составляла 1 180 913 чел. (прил. 4). Из них проживало: в Башкирской АССР – 892 248, Челябинской – 117 537, Пермской – 47 812, Оренбургской – 37 501, Свердловской – 21 428, Курганской областях – 17 525 чел. Компактные группы башкир фиксировались на территориях Куйбышевской и Саратовской областей, а также в Татарской и Удмуртской АССР. В материалах Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг. численность башкир в РСФСР составляла 935 880 и 863 308 чел. соответственно (прил. 5, 6). К общей картине расселения по регионам добавилось появление заметного числа башкир в Тюменской области – 9 913 и 41 059 чел. в 1979 и 1989 гг. соответственно.

Последние две Всероссийские переписи населения зафиксировали общую численность башкир 1 673 389 и 1 584 554 чел. в 2002 и 2010 гг.

соответственно, из них в Республике Башкортостан – 1 221 302 и 1 172 287 чел. По-прежнему самая большая группа башкир, находящаяся за пределами Республики Башкортостан в 2002 и 2010 гг., фиксируется в Челябинской области – 166 372 и 162 513 чел. Соответственно (прил. 7, 8). Тюменская область вместе с Ханты-Мансийским – Югра и Ямало-Ненецким округами теперь становится вторым регионом по численности башкир – свыше 90 000 чел.

На территории Челябинской области в сельской местности наиболее плотные группы башкир сосредоточены в Аргаяшском (24 196 чел.) и Кунашакском (15 422 чел.) районах. Они вместе с соседними – Сосновским (8 792 чел.), Красноармейским (2 485 чел.), Чебаркульским (2 363 чел.), Уйским (2 322 чел.), Каслинским (1 387 чел.), Еткульским (1 024 чел.), Кусинским (837 чел.), Нязепетровским (644 чел.), Саткинским (550 чел.) и другими районами составляют этническую территорию северо-восточных и зауральских башкир, которые входят в племенные объединения катаяй (роды – бикатин, калмак, катаяй, салют, сынрян, терсяк), табын (роды – кувакан, сырзы, табын) и ай (роды – айле, сызгы). Здесь очень большое число деревень и сёл с моноэтническим башкирским населением.

В южных районах области башкиры стали появляться в течение XX в. Это были переселенцы из Башкирии, заселявшие вместе с русскими и другими целинные земли. Здесь нет чисто башкирских деревень, а основу этнического состава большинства населённых пунктов вместе с башкирами составляют русские, украинцы, казахи, татары и нагайбаки. Наибольшее число башкир в южной части Челябинской области сосредоточено в Кизильском районе – 3 383 чел. Гораздо меньше в Агаповском (1 800 чел.), Верхнеуральском (1 083 чел.), Брединском (665 чел.), Нагайбакском (259 чел.), Варненском (251 чел.) и Чесменском (242 чел.) районах. Невелика численность башкир в Октябрьском, Троицком, Увельском, Еманжелинском, Коркинском и Пластовском районах. Наиболее крупные группы башкир среди городского населения отмечаются в Челябинске (33 716 чел.), Магнитогорске (15 172 чел.), Златоусте (5 420 чел.), Миассе (5 167 чел.), Озёрске (3 191 чел.), Сатке (2 394 чел.), Копейске (2 383 чел.), Аше (1 993 чел.) и других городах и посёлках городского типа области. Численность городского населения башкир Челябинской области преобладает над сельским – 89 113 против 69 433 чел. (прил. 9, 10).

НАГАЙБАКИ

Этнической территорией нагайбаков с 1736 по 1843 гг. являлось Восточное Закамье, а с 1843 г. по настоящее время – Южное Зауралье. Оба этих региона в соответствии с физико-географическим районированием Урала относятся к территории Южного Приуралья¹. В настоящее время большинство их, за исключением трудовых мигрантов, обитает в Нагайбакском, Чебаркульском и Уйском районах Челябинской области, а также в Челябинске, Магнитогорске и других городах Челябинской области. До 1920-х гг. эти земли входили в состав Верхнеуральского и Троицкого уездов Оренбургской губернии. Нагайбаки бывшего Троицкого уезда ныне расселены на территориях Чебаркульского района, в основном в с. Варламово, д. Попово, п. Ключевский Второй (Лягушино), Болотово и Уйского районов – в д. Краснокаменка (прил. 21). Нагайбаки бывшего Верхнеуральского уезда сосредоточены в Нагайбакском районе, главным образом в с. Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Требия и Астафьевском (прил. 22). У нагайбаков существовала ещё и третья территориальная группа, в Оренбургском и Орском уездах, которая к нач. XX в. оказалась почти полностью ассимилирована татарами. В настоящее время лишь немногие из их потомков помнят о нагайбакском прошлом. Во всяком случае, о существовании таких людей автору недавно сообщил казанский фольклорист-кряшеновед Г.М. Макаров. В связи с таким историческим разделением на территориальные группы представляется возможным выделение трёх территориальных групп нагайбаков – северной (Чебаркульский и Уйский районы Челябинской области), центральной (Нагайбакский район Челябинской области) и южной (Оренбургская область)².

В процессе исторического развития нагайбаки выработали разнородное самосознание, которое проявляется в этнонимической номенклатуре, включающей два основных уровня – конфессиональный и сословно-этнический. Отсюда наличие двух общеупотребляемых эндоэтнонимов группы – *nəgəybək* (ед. ч.), *nəgəybəklər* (мн. ч.) и *kerəşən* (ед. ч.), *kerəşənnər* (мн. ч.). Первым по времени возникновения самоназванием является конфессионим «керэшен», который объединяет нагайбаков с остальными группами кряшен (крещёных татар), употребляющих в качестве самоназвания тот же этноним. Этимология названия «керэшен» прозрачна и не вызывает, за редким исключением³, сомнений. Вероятнее

¹ Атнагулов, 2015а. С. 7; Атнагулов, 2015б. С. 5.

² Во всех предыдущих публикациях автором учитывались лишь две группы, которые обозначались как северная (Чебаркульский и Уйский р-ны) и южная (Нагайбакский р-н). Считаю такое разделение не точным.

³ Глухов, 1993.

всего этноним возник в процессе крещения казанских татар во второй половине XVI в. от русского – «крещёный», «крещен». Хронологически вторым эндоэтнонимом стало название «нэгэйбэклэр», которое, по-видимому, изначально являлось внешним обозначением, имевшим топонимическое происхождение (см. ниже) и по-русски произносилось как «нагайбаки» или «нагайбацкие казаки». Под этим названием они получили наибольшую известность, и очевидно, что именно этот этноним стал использоваться нагайбаками в случаях общения на русском языке с представителями других народов. Подтверждением тому является то, что именно перепись 1926 г., впервые максимально точно отразившая этнический состав страны, зафиксировала данный этноним официально.

До 1736 г. предки нагайбаков являлись частью так называемых уфимских крещёных татар (уфимских новокрещёных) и ничем среди них не выделялись, но уже после событий, связанных с деятельностью Оренбургской экспедиции в 1730-1740-х гг.,¹ эта группа становится новым социальным феноменом в этнокультурном пространстве Южного Приуралья. В указе Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. говорится о формировании в Оренбурге казачьего войска из Яицких казаков, сибирских казачьих и дворянских детей, уфимских служилых мещеряков и крестьян Теченской слободы². Этим же указом было решено уфимских новокрещёных, за неучастие в башкирских восстаниях и содействие русским властям, перевести в казаки, снять с них ясак и поселить во вновь построенной крепости Нагайбакской и ряде окрестных деревень³. Происхождение названия крепости имеет две версии, изложенные П.И. Рычковым. Согласно одной название связано с жившими когда-то на этом месте ногайцами. По другой – эти земли являлись вотчиной некоего башкира по имени или прозвищу Нагайбак⁴. Крепость Нагайбакская была основана И.К. Кириловым весной 1736 г. восточнее Закамской линии и несколько южнее г. Мензелинска. Другими населёнными пунктами, где были поселены уфимские новокрещёные казаки, являлись с. Бакалы и ряд окрестных деревень. Поскольку крепость была административным центром данной группы казаков, то все они, вероятнее всего, назывались «нагайбакскими казаками». Во всяком случае, в 1840-х гг. в Южное Зауралье они прибыли, имея это общее самоназвание. В Нагайбакской крепости находилась контора, занимающаяся новокрещёными, а после перевода населения в казачье сословие её заменили станичные правления, находившиеся в крепости Нагайбакской и с. Бакалы, между которыми и были распределены казаки из новокрещёных.

¹ Атнагулов, 2015а. С. 24-25; 2015б. С. 38-39.

² Материалы по истории России. С. 190-198.

³ Рычков, 1762. Ч. II. С. 206-208.

⁴ Там же.

Возникновение феномена нагайбаков в 1736 г. связано с государственным актом по созданию казачьих подразделений на Южном Урале. Вместе с возникновением сословной группы в структуре крещёных татар одновременно произошло рождение нового соционима – «нагайбакские казаки» или «казаки-нагайбаки», трансформировавшегося позднее в этноним – «нагайбаки». Именно этот фактор в период с 1736 по 1843 гг. сыграл решающую роль в формировании нагайбакской идентичности. Сословные группы в населённых пунктах, где проживали нагайбаки, представлены такими, как «старокрещёные татары-казаки», «крещёные казаки», «татары-казаки». Перечень деревень, населённых новокрещёнными казаками, по документам XVIII в. выглядел следующим образом: крепость Нагайбакская, с. Бакалы, Старое Костеево, Шарашлы, Балыклы, Старые Маты, Старое Килеево, Старое Умерово, Новое Умерово, Старое Зияшево, Новое Юзеево, Старые Усы, Ахманово и Старое Иликово (прил. 11, 12).

Исследователи, занимавшиеся историей нагайбаков, высказывали различные точки зрения по вопросу об их происхождении, которые можно объединить в две основные версии. Согласно первой процесс формирования нагайбаков связан, в основном, с казанскими крещёными татарами, согласно второй – главным образом с выходцами из Ногайской Орды. Следует иметь в виду, что обе версии, скорее, дополняют друг друга, чем противоречат, поскольку большинство специалистов учитывают оба компонента, но в различных соотношениях. Вероятнее всего формирование нагайбаков происходило при участии этнических компонентов различного происхождения. О происхождении нагайбаков преимущественно от татар писали такие исследователи, как П.И. Рычков¹, В.Н. Витевский², Н.М. Чернавский³, Е.А. Бектеева⁴, С.Г. Рыбаков⁵, Д.М. Исаков⁶ и др. В числе исследователей, считавших нагайбаков потомками ногайцев или имевших смешанное ногайско-татарское происхождение, были П.И. Небольсин⁷, М.А. Круковский⁸, М.С. Глухов⁹ и др. Кроме татарских и ногайских в формировании нагайбаков принимали участие и так называемые азиатские компоненты. На территорию Оренбургской губернии попадало определённое число беглецов-азиатов, находившихся в плену у казахов. Они не повлияли заметным образом на

¹ Рычков, 1762. Ч. II. С. 269-270.

² Витевский, 1891. С. 257-286.

³ Чернавский, 1900. С. 129.

⁴ Бектеева, 1902. С. 165.

⁵ Рыбаков, 1896. С. 1344.

⁶ Исаков, 1995. С. 11.

⁷ Небольсин, 1852. С. 21-22.

⁸ Круковский, 1909. С. 262-263.

⁹ Глухов, 1993. С. 106-135.

культуру нагайбаков и носят характер адстратных влияний. Этот экзотический компонент в составе нагайбаков некоторое время был заметен, потому и отмечался наблюдателями¹. Не проявляясь в культуре, он сохранил своё присутствие в номенклатуре нагайбакских фамилий². Перечень этнонимов и численность этих бывших азиатских пленников, осевших в Оренбургской губернии, сообщает П.И. Рычков: персов – 106, арабов – 17, турок – 15, армян – 4, каракалпаков – 21, бухарцев – 7, хивинцев – 4, кубанцев – 4, узбеков – 5, бадахшанцев – 1, талышей – 4, афганцев – 2 человека и др. Всего им было насчитано 212 чел., которые в соответствии с привилегией, пожалованной Оренбургу в 1752 г., были приняты в российское подданство и поселены на башкирские земли. Из них приняли крещение и вошли в состав казаков Нагайбакской крепости и соседних станиц персов – 45, арабов – 12, бухарцев – 3, каракалпаков – 2 чел³. Бегство подобных азиатских пленников, видимо, было регулярным, и большинство выбегавших из казахского плена добровольно являлось к российской администрации, чтобы принять крещение, после чего селились на землях Оренбуржья⁴.

Имеет перспективу начатое недавно физико-антропологическое изучение нагайбаков. На сегодняшний день проведены дерматоглифические исследования среди некоторых групп населения Нагайбакского района. Эти данные уже позволяют говорить о связях нагайбаков с европеоидными и монголоидными группами Поволжья и Западной Сибири как тюркского, так и финно-угорского происхождений⁵. Более точные данные покажут дальнейшие исследования.

Таким образом, этническим субстратом нагайбаков вполне возможно считать средневожских татар, влияние которых усматривается, главным образом в языке и многих чертах этнической культуры (см. ниже). В этот же субстрат могли входить и какие-либо группы ногайцев, которых было немало среди служилого населения бывшего Казанского ханства. Суперстратными элементами формирования нагайбаков, вероятнее всего, явились прочие этнические группы Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, увлечённые переселенческим потоком в Восточное Закамье и подвергшиеся христианизации. Среди них предполагаются чуваша, восточные марийцы и, возможно, закамские удмурты. Адстратные компоненты в процессе сложения нагайбаков усматриваются среди так называемых «крещёных азиатцев». К 1840-м гг. эти разнородные в

¹ Рычков, 1762. Ч. I. С. 68-69; Георги, 1776. С. 75-84; Лепёхин, 1821. С. 146-147; Фальк, 1824. С. 260.

² Бектеева, 1902. С. 166.

³ Рычков, 1762. Ч. I. С. 191-192.

⁴ Там же.

⁵ Макеева, 2013, 2015.

прошлом группы уже, вероятнее всего, были консолидированы и имели общее самосознание.

С 1843 г. в истории нагайбаков возникли перемены принципиального характера, повлиявшие на всё дальнейшее их развитие. Их новой этнической территорией становится Южное Зауралье, где нагайбаки оказались разделёнными на три группы (см. выше). Наиболее крупной по численности являлась группа, заселившая Верхнеуральский уезд. Здесь, в отличие от Троицкого, Оренбургского и Орского уездов, они оказались не в смешанных по этническому составу, а в моноэтнических, самими же нагайбаками основанных населённых пунктах¹.

До русской колонизации постоянных селений в этом регионе не было. В тёплое время года, вплоть до левого берега р. Урал, здесь кочевали казахи². По правую сторону – башкиры³. Обычно башкиры и казахи предпочитали устраивать места своих постоянных дислокаций (зимовок) подальше от этой территории, совершая время от времени «барымту» – регулярные набеги с той и другой стороны⁴. В 1830-х гг. в правительстве обсуждался вопрос о строительстве новой линии казачьих укрепленных поселений по направлению от г. Орска до станицы Берёзовской, находившейся на Уйской линии немного восточнее г. Троицка. Она должна была значительно сократить прежнюю границу, проходившую вдоль р. Урал и Уй. В 1833 г. император Николай I назначает генерал-губернатором Оренбургской губернии В.А. Перовского (1794–1857), который и реализовал данный проект⁵. Устройство новой линии осуществлялось в 1835–1837 гг. Новые поселения заселялись казаками со старых линий, внутренних станиц и солдатами линейных батальонов, обращённых в казаки. Казаков, живших внутри губернии и не желавших переселяться на линию, было предписано обращать в поселённые кавалерийские полки⁶. Это вызвало новое значительное переселение казачьего населения, при этом часть его поселилась между новой и старой линиями. Населённые пункты оренбургских казаков, заложенные между старыми (Верхнеуральской и Троицкой) линиями и Новой вошли в так называемый Новолинейный район. Все посёлки были основаны почти одновременно в течение одного-двух лет.

Населённые пункты, основанные в 1843–1844 гг., имели номерные обозначения – от № 1 до № 32. Одновременно с этим были запланированы официальные наименования⁷. В качестве названий станиц были предложены

¹ Атнагулов, 2015а. С. 185.

² Рычков, 1762. Ч. II. С. 136.

³ Мурзабулатов, 1979. С. 62.

⁴ ГАОО. Ф. 6, оп. 3, д. 2442/4, л. 1; Стариков, 1891. С. 149–150.

⁵ Рыбалко, 2007. С. 17–18.

⁶ Там же.

⁷ Правила о переселении. С. 34.

ны такие, какие прославляли бы победы русской армии. Казачьи посёлки, основанные нагайбаками в Верхнеуральском уезде, получили следующие наименования: № 1 Кассель назван в честь взятия 19 сентября 1813 г. русскими войсками одноимённого города – столицы Вестфальского королевства; № 2 Остроленка назван в связи с подавлением восстания в Польше под г. Остролёнкой в 1831 г.; № 3 Фершампенуаз получил название в связи с победой, одержанной объединёнными войсками России, Германии и Австрии 13 марта 1814 г. на окраине французского г. Фер-Шампенуаз над армией Наполеона; № 4 Париж назван в честь взятия столицы Франции, и завершения заграничных походов 1812–1814 гг.; № 8 был назван Требия, в память о боях русско-австрийских войск под командованием А.В. Суворова, 6-8 июня 1799 г., против французов под командованием генерала Макдональда у берегов р. Треббия (северная Италия). В кон. XIX – нач. XX вв. при участии нагайбаков было основано ещё несколько населённых пунктов, среди которых один был чисто нагайбакским – п. Астафьевский, остальные со смешанным этническим составом населения – п. Александроневский, Куропаткинский и Балканы.

Политические события первых двух десятилетий XX в. и административные реформы 1920-х гг. повлияли на дальнейшую судьбу нагайбаков. В 1919 г. было упразднено территориально-административное деление казачьих земель. Постановлением ВЦИК от 3 сентября 1919 г. на части территорий Оренбургской губернии и Тургайской области была создана Челябинская губерния. Первоначально нагайбакские населённые пункты вошли в состав Троицкого уезда вновь созданной губернии, затем – Верхнеуральского. В 1923 г. в соответствии с постановлением ЦК РКП(б) и III сессии ВЦИК 26 ноября была создана Уральская область с центром в г. Свердловске. С этого момента и по 1927 г. нагайбакские посёлки входили в состав Троицкого округа Уральской области. Нагайбакский район был образован 4 декабря 1927 г. в составе Троицкого округа Уральской области, куда вошли все населённые пункты нагайбаков бывшего Верхнеуральского уезда. В настоящее время район расположен в южной части Челябинской области (примерно 53°17' – 53°45' с.ш., 59°20' – 60°45' в.д.). Общая площадь территории составляет 3022 км².

Национально-территориальное устройство СССР являлось одним из крупнейших государственных проектов первых лет Советской власти. С образованием союзных республик в составе СССР, а также автономных республик, областей и округов в составе РСФСР и других союзных республик возникает феномен титульной группы, имеющей среди остальных равных ей народов возможность обладания особыми правами в пределах политико-административных границ. Кроме того, в иерархии автономий в структуре СССР выделялись так называемые, национальные районы. Нагайбакский район возник после примерно годичного обсуждения вопроса населением шести нагайбакских посёлков – Касселя, Остроленки,

Фершампенуаза, Парижа, Требии и Астафьевки. Административным центром был выбран п. Фершампенуаз, остающийся им и поныне. К обсуждению, видимо, привлекались и жители ближайших русских и казахских селений¹. Самыми крупными населёнными пунктами с русским населением, вошедшими в декабре 1927 г. в состав Нагайбакского района, были казачьи посёлки, основанные в 1843 г. одновременно с нагайбаками, – Куликовка, чуть позже – Арси, а также основанный в конце XIX в. – п. Александро-Невский. Наиболее крупными казахскими селениями района были п. Арасламбаевский, Копаловский и Кужебаевский (прил. 20).

Нагайбаки вплоть до Всесоюзной переписи населения 1926 г. в официальных статистических документах отмечались как казаки или татары-казаки. Учитывая, что данные групповые обозначения охватывали население гораздо более обширное, чем собственно нагайбаки, назвать точное число представителей этого народа до определённого времени весьма сложно. В некоторой степени облегчает подсчёт численности нагайбаков, то обстоятельство, что они всегда были расселены компактно, в нескольких населённых пунктах.

Численность нагайбаков Верхнеуральского уезда во второй половине XIX в. отражают различные документы². В них имеются данные статистики за 1843, 1844, 1853, 1854, 1866 и 1897 гг. Цифры за период с 1843 по 1854 гг. нельзя назвать полными, поскольку в них отсутствуют либо число женского населения, либо указаны не все населённые пункты (прил. 13-16). Первые наиболее полные данные по всем населённым пунктам нагайбаков Верхнеуральского уезда с учётом лиц обоего пола имеются за 1866 г., поэтому для сравнения с показателями 1897 г. лучше использовать именно эти сведения. Но даже из того неполного материала, который имеется за 1843, 1844, 1853 и 1854 гг. можно отметить стабильную положительную динамику численности населения нагайбакских посёлков за первое десятилетие пребывания в Верхнеуральском уезде.

По данным 1844 г. приводится численность только мужского нагайбакского населения (см. прил. 13). Вместе с нагайбаками в одних и тех же посёлках жили калмыки, которые составляли незначительное число. Например, в 1843 г. их было всего 6,0 % от всего мужского населения пяти посёлков. Велика вероятность того, что примерно такое же соотношение между нагайбаками и калмыками сохранялось и далее. В 1866 г. зафиксировано всё население обоего пола нагайбакских посёлков центральной группы, включая калмыков. Местное мужское население с 1843

¹ Маметьев, 1997. С. 56.

² Правила о переселении. С. 34; ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1793, лл. 19 об.–20; ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1993, лл. 64 об.–65, 107 об., 108, 108 об., 109; Списки населённых мест Российской империи. С. 24, 33; Населённые места Российской империи. С. 127-133; Первая всеобщая перепись Российской империи. С. 164-165.

по 1866 г. увеличилось с 1330 до 2146 чел. Общее число населения обоюпо пола нагайбакских посёлков в 1866 г. составляло 4287 чел. (прил. 17). С 1866 по 1897 г. численность населения нагайбакских посёлков центральной группы увеличилась с 4287 до 9187 чел., включая калмыков (прил. 18). В посёлках и деревнях, где проживали нагайбаки северной группы в 1897 г., насчитывалось население всего 4071 чел. вместе с русскими. В 1926 г. нагайбаков в РСФСР насчитывалось 11 207, из них 10 949 чел. на территориях традиционного проживания (прил. 19). По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. людей, назвавших себя нагайбаками, всего насчитывалось в России 9600, из них в Челябинской области – 9087 чел. (прил. 23). В 2010 г. нагайбаков всего насчитывалось 8148 чел.¹. Абсолютное большинство из них – 7679 чел. проживало в Челябинской области.

До 1920-х гг. всё взрослое мужское население нагайбакских станций состояло на службе в Оренбургском казачьем войске. Особенность этого статуса заключалась ещё и в том, что в свободное от командировок время казаки обязаны были сами содержать свои семьи крестьянским трудом. Нагайбаки с самого начала формирования являлись оседлыми пашенными земледельцами². Согласно принятой в российской этнографии хозяйственно-культурной классификации, они относятся к типу пашенных земледельцев степной и лесостепной полосы. Хозяйство нагайбаков является частью комплекса разных хозяйственно-культурных типов Евразии, основанных на производстве зерновых при обязательном сочетании с разведением мелкого и крупного рогатого скота. Животноводство имеет как мясное, так и молочное направление, занимая по удельному весу порой не меньшую долю, чем пашенное земледелие. Основы хозяйственной культуры нагайбаков до 1843 г. складывались у их предков – кряшен Среднего Поволжья и Восточного Закамья. В Южное Зауралье нагайбаки прибыли уже будучи опытными земледельцами³. Несмотря на менее приспособленный для земледелия, по сравнению с Восточным Закамьем, климат (засухи, морозы)⁴, хозяйство нагайбаков продолжало сохранять земледельческую специализацию и в Южном Зауралье, но с местными особенностями. Новые природно-климатические и социальные условия – лесостепной ландшафт, аридная зона и соседство с номадами – казахами – увеличили в хозяйственной системе скотоводческий сегмент. Однако, в отличие от казахов, оно было пастбищно-стойловым, а в отличие от русского варианта пастбищно-стойлового скотоводства, у нагайбаков была больше численность поголовья, с заметно

¹ URL: // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php империи. С. 164-165.

² Атнагулов, 2007. С. 61-86.

³ ГАОО. Ф. 168, оп. 1, д. 40, л. 54 об.: ГАЧО. Ф. 10, оп. 1, д. 6, л. 33.

⁴ Бектеева, 1902. С. 169.

большой долей мелкого рогатого скота. Хозяйство нагайбаков, таким образом, представляло собой оригинальный комплекс, основанный на взаимовлиянии двух хозяйственно-культурных систем – оседлоземледельческой, с развитым пашенным земледелием и степной скотоводческой, с пастбищно-стойловым содержанием скота и лишь некоторыми элементами кочевого скотоводства¹.

В степном Зауралье, несмотря на более засушливый климат и морозные зимы, земледельческие навыки нагайбаков получили дальнейшее развитие. Здесь, в отличие от территорий Среднего Поволжья и Прикамья, было больше свободных земель, которые к тому же по составу являлись степными чернозёмами. Интенсивное освоение зауральской степи привело к тому, что уже в нач. XX в. Южное Зауралье становится зоной развития товарного земледелия. В 1870-х гг. отмечалось, что у некоторых нагайбаков Остроленки, Касселя и других «урожаи всегда с избытком»². Нагайбаки Верхнеуральского уезда становятся сравнительно зажиточными.

Основными сельскохозяйственными культурами нагайбаков являлись пшеница, овёс и ячмень. Кроме того, выращивали полбу, рожь и, возможно, гречиху. Обеспечивающей культурой была яровая пшеница. Посевы яровой пшеницы занимали самый значительный удельный вес (до 50 %) в земледельческом хозяйстве нагайбаков³. С появлением на рубеже XIX–XX вв. у зажиточных казаков плуга посевы пшеницы расширились. Выращивали также технические культуры – коноплю и лён. Главными пахотным орудиями являлись тяжёлая борона и плуг. Последний был деревянным и представлял собой так называемый «татарский сабан»⁴, имевший множество модификаций. На рубеже XIX–XX вв. на смену архаичному сабану начинают приходиться кустарные и фабричные плуги⁵. Тягловой силой являлась лошадь. В плуг впрягали до шести лошадей⁶. У нагайбаков в сер. XIX в. наибольшее распространение имела рамная борона, как с деревянными, так и с железными зубьями. Ручные орудия труда нагайбаков не отличались от аналогичного инвентаря других народов Южного Приуралья – лопата, мотыга, деревянные грабли и вилы, для жатвы использовали серп⁷.

Животноводство было вторым по степени значения в хозяйстве нагайбаков Верхнеуральского и Троицкого уездов. Также как и у русских казаков Верхнеуральского уезда, нагайбакское животноводство было пастбищно-стойловым. Домашний скот и птица являлись источником

¹ Атнагулов, 2014. С. 318-323.

² Халиков, 1995. С. 27

³ Там же. С. 34.

⁴ Распопов, 1884. С. 208.

⁵ Халиков, 1995. С. 21.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Атнагулов, 2015а. С. 52.

белковой пищи (мясо, молоко, яйцо) и сырьём для кустарной промышленности и нужд домашнего хозяйства (шерсть, кожа, пух). Обязательным условием формирования боевого комплекта казака было наличие строевой лошади. Состав стада отвечал специфике оседлого хозяйства – заметное место в нём занимал крупный рогатый скот. Нагайбаки, как и прочие тюркские народы региона, отличались особой приверженностью к скотоводству вообще и овцеводству в частности. На увеличение доли животноводства в хозяйстве нагайбаков, вероятно, влияли контакты с кочевниками-казахами и полукочевниками-башкирами. Породы домашнего скота у нагайбаков были те же, что содержали соседние народы. Лошади были башкирской, киргизской или калмыцкой пород¹. Крупный рогатый скот в Верхнеуральском уезде, как и в других районах Южного Зауралья, был, в основном, калмыцкой или киргизской породы мясного направления. Овцеводство базировалось на разведении двух основных пород мелкого рогатого скота – русской (волошской) и башкирской (ордынской). Малоимущие казаки в небольших количествах для получения молока, мяса и шерсти разводили коз². Повсеместной отраслью хозяйства было птицеводство. Почти каждая семья держала кур, гусей, несколько реже – уток и индеек³.

Помимо животноводческой продукции, белковый рацион изредка дополнялся продукцией таких видов присваивающего хозяйства, как охота и рыболовство. Эти занятия не были у нагайбаков столь распространёнными, как, например, у башкир или казахов. Охотились главным образом с целью добычи шкур и в меньшей степени для удовлетворения пищевых потребностей. Нагайбаки относились к охоте, скорее, как к забаве, а не как к обеспечивающему промыслу⁴. На волка и лису охотились с помощью ружья, капканов или отравленных приманок. Зайца и косулю ловили проволочными петлями – силками и ловчими ямами. Особенно много было в здешней местности зайцев, но охота на них не считалась прибыльной – шкура стоила 6-7 коп⁵. Напротив, выгодной была охота на глухарей и тетеревов⁶. Для нагайбаков, несмотря на то, что они проживали в степной местности, были характерны таёжные пешие способы охоты (петли, капканы, ловчие ямы), характерные для народов Западной Сибири и некоторых групп башкир⁷. По всей видимости, эти навыки у нагайбаков сложились ещё в лесных массивах Восточного Закамья. Известно, что среди этнических компонентов, вошедших в состав нагайбаков, были

¹ Распопов, 1884. С. 82.

² Там же. С. 83.; Черемшанский, 1859. С. 366.

³ ГАОО, ф. 168, оп. 1, д. 40, л. 54 об.

⁴ Бектеева, 1902. С. 169.

⁵ ГАОО. Там же. Л. 58 об.

⁶ Там же. Л.л. 60 об. – 61.

⁷ Шитова, 1976. С. 77.

и какие-то группы восточнофинского населения¹, хозяйство которых включало заметный сегмент лесных охотничьих промыслов. Ближайшие соседи-тюрки по Южному Зауралью – юго-восточные башкиры и казахи – практиковали способы и приёмы степных видов охоты, которые осуществлялись верхом на лошади с помощью ловчих птиц (беркутов и соколов). Нагайбаки подобные виды охоты не использовали. Как и прочее казачье население региона, нагайбаки арендовали водные участки в бассейне р. Урал и занимались рыбным промыслом. Рыбу ловили в местных речках – Гумбейке и Кызыл-Чилике, изобилующих частиковыми породами. Лов производился преимущественно зимой. Пойманную рыбу использовали для удовлетворения собственных пищевых потребностей, а излишки продавались в соседних русских селениях или в г. Верхнеуральске².

Кроме основных занятий – пашенного земледелия и животноводства, для нагайбаков в кон. XIX в. было характерно огородничество. Эта отрасль хозяйства имела меньшее значение по сравнению с подобным видом деятельности у русских. Однако некоторые из исследователей XIX в., например Ф.М. Стариков и Р.Г. Игнатьев, отмечали у нагайбаков развитие огородничества³. Оба писали исключительно о верхнеуральской группе. По-видимому, огородничество у нагайбаков впервые появляется только во второй половине XIX в., а уже широкое распространение получило с нач. XX в. Уже в 1870-х гг. они предпочитали овощную продукцию, выращенную собственными руками, и большинство необходимых овощей поступало на стол с собственных огородов⁴. Наиболее распространёнными из возделывавшихся культур являлись морковь, свекла, капуста, редька, лук, огурцы, репа, картофель. Бахчевые культуры были представлены тыквой. Недостающие овощи и фрукты приобретали на рынке г. Верхнеуральска. Точно так же как и другие жители края, нагайбаки не практиковали садоводства. В здешних краях оно начало распространяться не ранее 1950-х гг., после появления морозоустойчивых сортов садово-огородных культур. Заметную роль в развитии садоводства и огородничества на Южном Урале сыграли переселенцы из Украины и западнорусских областей. Недостаток в витаминах восполнялся ещё и сбором дикорастущих трав и плодов. Объектами сбора были борщевик, крапива, щавель и т.д. Давней традицией нагайбаков, сохранившейся и до сегодняшнего дня, является заготовка впрок, способом высушивания, дикорастущей вишни, которой изобилуют здешние леса. Нагайбакские казахи станицы, как и вообще российская деревня второй половине XIX в., переживали социально-классовое расслоение, связанное с развитием в

¹ Атнагулов, 2015а. С. 40.

² Атнагулов, 2007. С. 83.

³ Стариков, 1891. С. 133; ГАОО, ф. 168, оп. 1, д. 8, л.л. 96-97.

⁴ Халиков, 1995. С. 115.

сельском хозяйстве капиталистических отношений. В эпоху развития капиталистических отношений в деятельности нагайбаков возросли такие виды деятельности, как промышленное производство молочной продукции, извоз, наёмный труд¹ и т.п.

Эволюция нагайбакского жилища и других построек с кон. XIX в. по сегодняшний день связана с сочетанием традиционного и инновационного в приёмах и техники домостроительства, внешнего и внутреннего убранства избы. Традиционные черты связаны с поволжско-татарской культурой, а инновации появились под русскими влияниями. Изучение строительной культуры нагайбаков удобно рассматривать на материале жилищного фонда таких сёл, как Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Требия, где на рубеже XX–XXI вв. сохранились постройки кон. XIX – нач. XX в. При описании населённых пунктов использована типология сельских поселений, предложенная С.А. Арутюновым². Согласно этой классификации сёла нагайбаков имеют компактную планировку, при которой жилая часть (селитьба) и другие постройки составляют единое целое. Кроме того, рассматривая сельские поселения в качестве определенной целостности, системы, он предлагает вычленение в ней ряда элементов: селитьба; хозяйственные постройки; центр; культурно-бытовые учреждения; культовые объекты; оборонительные сооружения и др.³

Основной единицей застройки являлась усадьба с жилым домом и хозяйственными постройками. Перечень хозяйственных построек у нагайбаков был общим с другими земледельческими народами региона, рядом с которыми происходило их формирование⁴. Помимо жилых построек, в селениях нагайбаков имелось по одной деревянной церкви. В Остроленке и Фершампенуазе имелись начальные церковно-приходские школы, а также дом старосты с канцелярией и караульным помещением. Во всех населённых пунктах были магазины и провиантские склады. В с. Фершампенуаз имелось здание пожарной службы⁵. Все поселения, основанные нагайбаками, типологически относятся к категории сельских⁶.

Основой выделения сельских поселений служит определенная сфера приложения труда, а именно сельскохозяйственное производство⁷. Основным обеспечивающим видом хозяйствования нагайбаков, как уже было отмечено, являлось пашенное земледелие. Пребывание в Оренбургском казачьем войске наложило отпечаток на некоторые особенности населённых пунктов. Согласно упомянутой выше типологии нагайбак-

¹ Атнагулов, 2007. С. 83-84

² Арутюнов, 1987. С. 111-112.

³ Там же. С. 112.

⁴ Медведев, 2014. С. 6.

⁵ Атнагулов, 2007. С. 90.

⁶ Алаев, 1977. С. 83-84; Чебоксаров, 1984. С. 34.

⁷ Арутюнов, 1987. С. 111.

ские поселения следует отнести к первому виду, где все хозяйственные и административные сооружения составляют единое целое с жилой зоной. О наличии каких-либо фортификационных сооружений в нагайбакских поселениях никаких упоминаний не сохранилось. Казачьи населённые пункты планировались типично. Они являлись приречными, планировка улиц была «правильной», при которой главные магистральные улицы располагаются параллельно (обычно параллельно течению реки) и через равные промежутки пересечены переулками. Все жилые и общественные сооружения фасадной частью выходили на улицу, которая, как правило, была двусторонней. В большинстве посёлков до 1920–1930-х гг. названий улиц не было. Исключение составляли посёлки Фершампенуаз и Париж. Дореволюционные названия улиц в этих поселках чаще всего отражали их расположение по отношению к водоему или назывались по общественным сооружениям, расположенным на этих улицах. Главные улицы пресекаются переулками, более узкими, но прямыми и достаточными для передвижения на транспорте. Названия переулков связывались либо с фамилиями или прозвищами родственных групп, проживающих на этой территории, либо с названием общественного объекта, расположенного в непосредственной близости от переулка.

Основным источником водоснабжения были р. Гумбейка, Кызыл-Чилик и др. Воду из них использовали для различных целей, в том числе для питья и приготовления пищи. В настоящее время главными источниками воды являются водопровод и колодцы, имеющиеся во многих дворах. Большинство нагайбакских поселений находилось в стороне от больших трактовых дорог. Наиболее выгодное положение имели посёлки Кассель и Остроленка, ближе всего расположенные к г. Верхнеуральску.

Использование строительных материалов было обусловлено местными условиями. Выделяются следующие основные строительные материалы и конструкции построек: срубные, каркасно-столбовые, монолитные, саманные и каменные¹. Первые новополинейные постройки были небольшими, однокамерными. Стены складывали из лиственницы или сосны. Чуть позже, во второй половине XIX в., срубные постройки ставили уже только из сосны. Несмотря на ограниченность лесных ресурсов, наиболее предпочтительной была лиственница. В нагайбакских сёлах до сих пор сохранились отдельные строения из лиственницы, датируемые не позднее 1860-х гг. На сегодняшний день из сохранившихся жилых построек данного периода все выполнены в срубной технике. Поскольку лес был дорогим, то строительство из качественной древесины – лиственницы или сосны – могли себе позволить только зажиточные казаки. При строительстве применяли как цельные бревна, так и полубрус, в за-

¹ Атнагулов, 2007. С. 94-102.

висимости от диаметра брёвен¹. Малоимущие казаки строили в срубной технике, используя некачественную древесину. Большая часть таких построек обмазывалась и белилась. На рубеже XIX–XX вв. появляются саманные постройки. Саман обычно использовался для хозяйственных построек. Жилые постройки из саманного кирпича появлялись только у беднейшей части населения. Наибольшее количество саманных домов было построено в 1920–1930-е гг.² Камень и саман широко употреблялись в строительстве не только у нагайбаков, но и у других этнических групп Южного Зауралья. Строительство из этих материалов, добываемых из природной среды, обходилось дешево. Среди подобного рода построек были не только избы с сенями, но и дома с большим числом жилых камер. Чаще всего их строили без фундамента, стены клали, используя глиняный раствор. Для большей прочности внутри стены монтировали ряды жердей³.

Среди типов жилищ выделяются две разновидности по принципу горизонтального и вертикального развитий. В современной литературе для определения типов горизонтальной планировки в качестве обозначения жилой или нежилой ячейки обычно используется термин «камера». Исходя из этого, выделяют одно-, двух-, трех- и многокамерные постройки⁴. У нагайбаков Верхнеуральского и Троицкого уездов в исследуемый период однокамерные постройки в жилом фонде всех селений встречались уже редко. Эти жилища были отголоском более древних строительных традиций. К нач. XX в. однокамерные жилища встречались, в основном, на заимках⁵. Во второй половине XIX в. появляется двухкамерное жилище, за счёт конструктивного усложнения добавляется холодная пристройка. Жилища горизонтально развитые были распространены уже в нач. XX в. Дома состояли из двух комнат, разделённых холодными сенями⁶. Исследователь Оренбургского края Р.Г. Игнатьев писал, что многие нагайбаки имеют дома из нескольких комнат⁷. В кон. XIX – нач. XX в. у нагайбаков двухкамерные дома преобладали, появляются дома-пятитенки, а также избы с прирубом. Следующий типологический ряд в группе жилищ горизонтального развития занимала трёхкамерная изба (изба + сени + изба), строившаяся в срубной или саманной технике. У наиболее зажиточных казаков появляются дома-крестовики⁸.

¹ Атнагулов, 2007. С. 94–102.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Бломквист, 1956. С. 135–160.

⁵ Атнагулов, 2007. С. 105.

⁶ Бектеева, 1902. С. 167

⁷ ГАОО. Ф. 168, оп. 1, д. 40, л.л. 96–97.

⁸ Атнагулов, 2007. С. 104–106.

В плане вертикального развития все постройки верхнеуральских нагайбаков второй половине XIX – нач. XX в. представляют собой одноэтажные сооружения. В общем архитектурном облике селений вертикальными доминантами являлись церкви. Первое двухэтажное сооружение – здание пожарной службы – было построено в Фершампенуазе в 1928 г.¹ Крыши построек встречались односкатные, двухскатные и четырёхскатные. Односкатные крыши устанавливались на хозяйственных постройках, двух- и четырёхскатные – на жилых помещениях. Подавляющее большинство крыш делалось двухскатными. Наибольшее количество четырёхскатных крыш имелось в с. Остроленка и Фершампенуаз, где было немало домов горизонтально развитых². В литературе отмечалось существование у нагайбаков архаичных видов жилищ³. Они были двух видов – ямные каркасно-столбовые для работников по найму и разборные кибитки для работавших на заимках пастухов. Данные виды жилища не относились к основным жилым постройкам и предназначались только для наёмных работников, обычно башкир или казахов. Помимо нагайбаков, такие жилища были замечены среди кряшен Башкортостана, ногайцев⁴, астраханских⁵ и томских татар⁶. Среди нынешних жителей Нагайбакского и Чебаркульского районов о постройках подобного типа воспоминаний не сохранилось.

Некоторые наблюдатели отмечали во внешнем виде нагайбакских жилых построек одновременно русские и татарские элементы⁷. У нагайбаков, как и у кряшен Поволжья и Прикамья⁸, отсутствовала полихромная раскраска стен, характерная для татарского населения. Цвет, в основном голубой, белый или желтый, использовался для окраски наличников, крыльца или палисадника. Наличники устанавливались, в основном, с фасадной стороны дома и украшались резьбой двух видов – глухой (долотной) и пропиленной. Основные мотивы в резьбе – солярные, растительные, геометрические. В отделке домов богатых казаков встречались кованые металлические элементы. В первом десятилетии XX в. среди нагайбаков получила распространение привычка побелки внешней части срубных изб. В редких случаях наружные стены срубов обшивали горизонтальными досками. Типичным и традиционным было убранство двухкамерного жилища типа изба + сени. Жилая часть постройки одновременно являлась и кухней. Внутренняя поверхность стен, потолок и пол, вероятно, не красилась и не белилась⁹.

¹ Атнагулов, 2007. С. 104-106.

² Там же.

³ Мухаметшин, 1995. С. 39-42.

⁴ Там же. С. 39-41.

⁵ Мухаметшин, 1992. С. 59-61.

⁶ Томилов, 1980. С. 83.

⁷ ГАОО, ф. 185, оп. 1, д. 8, л.л. 43-46.

⁸ Мухаметшин, 1977. С. 85.

⁹ Атнагулов, 2007. С. 115-116.

Согласно принятой классификации¹, планировка жилища верхнеуральских нагайбаков относилась к северо-среднерусскому типу: печь справа или слева от входа, устьем к противоположной от двери стене². Хлебопекарная печь занимала значительную часть помещения. Это была русская печь южного подтипа, имевшая много общего с подобными конструкциями у казанских и касимовских татар³. Она выкладывалась из кирпичей и имела выступ, куда монтировали чугунный котёл⁴. Наличие подобного элемента в конструкции печи нагайбаков говорит о связи с культурой крышен и татар Среднего Поволжья и Прикамья. Как и татары, верхнеуральские и троицкие нагайбаки хлебопекарную печь монтировали, допуская некоторое расстояние от стены. Некоторые исследователи подобную установку печи связывают с кочевнической традицией размещать очаг в центре жилища⁵. Высказывалось мнение и о том, что печь в центре жилища имелась и в древнерусских постройках⁶. Для приготовления пищи котлы использовались не только в сочетании с русской печью. В каждом дворе имелись летние печи, где также готовили еду⁷. Привычка готовить в котле на улице, у нагайбаков связана в основном с сезонным фактором, но, возможно, связана с отдалёнными кочевническими переездами. Сейчас эти печи сохранились не везде и используются для приготовления корма скоту⁸.

Отопление жилого помещения у верхнеуральских нагайбаков велось исключительно «по-белому», используя только дрова. Печь, подобно татарам, устанавливали на некотором расстоянии от стен. Она выполняла ряд функций: приготовление хлеба, пищи, обогрев помещения, сушки продуктов и одежды, хранения кухонной утвари, место отдыха⁹. В многокамерных жилищах, помимо хлебопекарной, имелась печь-голландка. В этом случае хлебопекарная печь устанавливалась в кухонной части, а голландка обогревала горницу. В горизонтально развитых жилищах печь-голландка монтировалась таким образом, что обогревала сразу несколько комнат. Все печи были глинобитными или кирпичными, снаружи выбеливались известью¹⁰. Напротив печи в углу у входа находился небольшой загон для молодняка, который содержали в жилище в холодное время года¹¹.

¹ Бломквист, 1956. С. 161-195; Токарев, 1958. С. 69-70.

² Станюкович, 1970. С. 65.

³ Шарифуллина, 1991. С. 60.

⁴ Стариков, 1891. С. 128-129; Бектеева, 1902. С. 167.

⁵ Мухаметшин, 1977. С. 91.

⁶ Спегальский, 1972. С. 63.

⁷ Бектеева, 1902. С. 167; Стариков, 1891. С. 198.

⁸ Атнагулов, 2007. С. 111.

⁹ ГАОО, ф. 185, оп. 1, д. 8, л.л. 43-46.

¹⁰ Бектеева, 1902. С. 167.

¹¹ Атнагулов, 2007. С. 112.

Судя по описаниям Е.А. Бектеевой¹, Ф.М. Старикова² и Р.Г. Игнатъева³, горница нагайбаков имела ещё больше русских черт, связанных с конфессиональной принадлежностью. Казачий быт и русские влияния определили наличие в интерьере икон, репродукций портретов императора, императрицы, выдающихся бывших и современных военных деятелей. Против печи под иконами по обе стены устраиваются деревянные нары, которые служат и залавком и кроватью⁴. Е.А. Бектеева писала, что вдоль стен у нагайбаков устраиваются лавки⁵. По свидетельству Р.Г. Игнатъева, в некоторых домах отсутствовали полати и лавки, а вместо них – нары⁶. Поскольку в большинстве домов мебель была минимальна или вовсе отсутствовала, то нары заменяли собой стулья, диван и кровать. Рядом с нарами в углу стоял стол. Наличие многофункциональных нар в избе – отличительный признак интерьера татарской избы. В отличие от татарских, нагайбакские нары не представляли собой ящика, в который складывали домашнюю утварь и продукты. Их делали в виде горизонтально расположенных продольных досок жёстко прикреплённых к стене. В каждом жилище над дверью, начиная от печи, устанавливались полати. Этот элемент интерьера был заимствован у русских. Нагайбакские полати служили местом сна детей или для хранения вещей и утвари⁷.

Непременным атрибутом интерьера нагайбакского жилища были сундуки различного объёма и обитые жёстью. Как правило, сундук устанавливали у передней стены рядом с нарами. В нём хранили одежду, полотенца и другие вещи. На сундуках спали, на него же складывали часть постельных принадлежностей. В отличие от татар, жилище нагайбаков не разделялось на мужскую и женскую половины. В случае рождения младенца в горнице устраивалась деревянная колыбелька прямоугольной формы. Её подвешивали следующим образом: к матице потолка одним концом прикрепляли прочный шест, к другому концу шеста подвязывали колыбель. В нач. XX в., с распространением в быту и хозяйстве изделий металлургической промышленности, начали использовать стальные пружины. Колыбель украшалась вышитыми полотенцами, сверху накрывалось кружевное или тканевое покрывало. Для освещения помещений использовали сальные свечи, изготавливаемые самими, но всё большее распространение получают керосиновые лампы⁸.

¹ Бектеева, 1902. С. 167; Стариков, 1891. С. 198.

² Стариков, 1891. С. 198-199.

³ ГАОО, ф. 185, оп. 1, д. 8, л.л. 43-46.

⁴ Там же.

⁵ Бектеева, 1902. С. 167.

⁶ ГАОО. Ф. 168, оп. 1, д. 40, л.л. 96-97.

⁷ Атнагулов, 2007. С. 113.

⁸ ГАОО. Ф. 168, оп. 1, д. 40, л.л. 96-97.

Дальнейшую эволюцию в своём развитии строительная культура нагайбаков прошла в XX – нач. XXI в. Ещё в кон. 1990-х – нач. 2000-х гг. нагайбакские постройки в подавляющем большинстве по своим конструктивным особенностям и строительным материалам соответствовали сооружениям кон. XIX – нач. XX в¹. Изменения касались в основном кровли, некоторых элементов внешнего оформления, внутреннего убранства и др². Изменения в застройке сёл, возникшие в 1970–1980-х гг. в связи с появлением многоквартирных домов, на традиционное домостроительство существенным образом не повлияли. Инновации в частном жилом секторе возникали только в плане появления новых отделочных материалов, улучшения электро- и водоснабжения, и не затрагивали основных, базовых параметров – строительных материалов, конструктивных особенностей и планировки жилища. За последние два десятилетия в строительной культуре нагайбаков отмечаются следующие тенденции. Многие срубные дома подвергаются косметическому ремонту – обшиваются различными видами сайдинга, кирпичом, устанавливаются пластиковые стеклопакеты и т.п. Появился целый ряд домов, полностью выполненных из нетрадиционных в прошлом для нагайбаков материалов – кирпича, шлакоблока и т.п. Дома, построенные из этих материалов, отличаются по ряду конструктивных особенностей и планировке. Среди них много построек горизонтально развитых с комнатами, изолированными друг от друга³. В соответствии с материальным достатком изменяется и внутреннее убранство домов.

Степень и масштабы изменений в комплексах одежды за период с последнего десятилетия XIX в. и до конца первой трети XX в. определяются сравнением их по данным различных видов источников, в основном – фотографий, рисунков, воспоминаний. Основной трудностью при реконструкции традиционной одежды нагайбаков XIX в. является то, что до наших дней сохранилось крайне мало образцов и, возможно, они отражают далеко не весь спектр повседневной и праздничной одежды. Ткачество нагайбаков примерно до нач. XX в. развивалось в рамках традиций других групп крещёных татар. Несмотря на смену этнической территории, они продолжали сохранять традиции. Большое влияние на ткачество нагайбаков оказали и русские. В первые десятилетия XX в. начинают получать распространение фабричные ткани. О типах мужской одежды, существовавших до 1843 г., сведений практически не сохранилось. Во второй половине XIX – нач. XX вв. мужская одежда «не имела в себе ничего характерного», поскольку являлась формой Оренбургского казачьего войска⁴.

¹ Атнагулов, 2015а. С. 131-132.

² Атнагулов, 2007. С. 117-119.

³ Атнагулов, 2015а. С. 132.

⁴ Там же. С. 73.

Различалось качество одежды у мужчин в зависимости от материального достатка казака¹. По мнению Е.А. Бектеевой, одежда нагайбакских женщин, несмотря на русские влияния, в нач. XX в. ещё сохраняла традиционные черты «татарского кроя», но, вероятно, в основном у старшего поколения. Во всяком случае, архаичный головной комплекс «сурэк» в нач. XX в. носили только пожилые женщины². Известные сохранившиеся традиционные комплексы женской одежды относятся к нач. XX в.³. Образцы подобной одежды имеются в фондах музеев с. Фершампенуаз, с. Париж Нагайбакского района, д. Попово Чебаркульского района Челябинской области и Челябинского государственного краеведческого музея⁴.

Традиционная одежда, как и другие элементы материальной культуры, является удобным материалом для изучения этнотрансформационных процессов. Рубеж XIX и XX вв. был временем почти массового перехода от аутентичных комплексов, называемых теперь «национальными костюмами», к более унифицированной одежде промышленного производства. Процесс этот происходил почти повсеместно и нагайбаки не были исключением. Стремительные изменения в одежде у нагайбаков в сторону сближения её с русской на рубеже веков были замечены очевидцами нач. XX в. – Ф.М. Стариковым⁵ и Е.А. Бектеевой⁶. В кон. XIX в. в деревенский быт стала входить городская мода⁷. Процесс этот происходил почти повсеместно и нагайбаки не были исключением. Мужчины-нагайбаки к тому времени уже давно не отличались по одежде от русских казаков.

Ещё один важный элемент материальной культуры – система питания, которая является наиболее консервативной, медленно изменяющейся частью этнической культуры. Консерватизм её обусловлен жёсткой привязанностью народа к собственной экологической нише, хозяйственно-культурному типу, что обеспечивает удобное и комфортное существование. Какие-либо принципиальные изменения в системе питания могут возникать лишь в редких случаях, связанных, например, с переменой места жительства, связанной с адаптацией в новых климатических или социальных условиях. В случае с нагайбаками перемещение в пространстве было не столь масштабным, но достаточным для возникновения у народа ощущения смены природно-климатических условий и социально-этнического окружения.

По номенклатуре сырьевой базы, соотношению пищи растительного и животного происхождения, способов обработки и консервации

¹ Атнагулов, 2015а. С. 73.

² Бектеева, 1902. С. 168.

³ Атнагулов, 2015а. С. 74.

⁴ Атнагулов, 2015а. С. 75-82.

⁵ Стариков, 1891. С. 141-143.

⁶ Бектеева, 1902. С. 168.

⁷ Атнагулов, 2015а. С. 84.

продуктов система питания нагайбаков в целом соответствует таковым у различных народов Евразии, ведущих оседлоземледельческое хозяйство с развитым пастбищно-стойловым животноводством. Особенность данной системы питания в решительном преобладании зерновых в повседневной пище и очень большим удельным весом мясной пищи в празднично-ритуальной кухне. Кроме того, в обоих случаях наблюдается широкий спектр молочной продукции со сложной ферментационной обработкой¹. Постольку поскольку у нагайбаков Верхнеуральского и Троицкого уездов земледельческо-скотоводческий тип хозяйства являлся главным, обеспечивающим, с товарным значением, то система питания этой группы сложилась с решительным преобладанием зерново-мясо-молочной продукции. Подразделение пищи на растительную и животную всегда являлось самым главным водоразделом в вопросах классификации систем питания, несмотря на присутствие в ней многих продуктов и блюд, в которых участвуют как растительные, так и животные компоненты².

Среди пищи растительного происхождения лидирующую позицию по потребляемой массе и перечню изделий, приготовляемых из данного вида сырья, занимали и занимают хлебно-зерновые. Нагайбаки Верхнеуральского и Троицкого уездов много использовали в пищу изделий из пшеницы, овса, ячменя, несколько меньше полбы и ржи. В повседневном рационе доминирующее положение всегда занимали снеди и блюда из пшеницы. Пшеничная крупа и мука считалась престижной, праздничной и обязательно использовалась в ритуальной кухне. Из покупных круп на рубеже XIX–XX вв. начали употребляться гречиха и рис³. Не исключено, что в прошлом предки нагайбаков, как и все тюркское население региона, использовали в пищу жидкие блюда на основе муки. Башкиры приготавливали подобные блюда, смешивая обжаренную муку с молоком, водой или бульоном⁴. Пшеничная крупа в отваренном виде являлась самостоятельным блюдом. Пшеничную кашу употребляли как в повседневном рационе, так и в празднично-ритуальном – на свадьбе, при строительстве дома, во время обряда жертвоприношения⁵. Отварная пшеница являлась полуфабрикатом, используемым вперемешку с мясным фаршем при изготовлении колбас. В течение XX в. пшеница как сырьё для приготовления каш уступила гречихе и рису. Мучные изделия из пшеницы имели и имеют весьма широкий, если не самый обширный, ассортимент. Пшеничный хлеб у нагайбаков, как и прочих земледельческих народов, обязательно присутствовал в повседневном рационе, занимал главное место

¹ Атнагулов, 2007. С. 159-163.

² Арутюнов, 1987. С. 210.

³ Атнагулов, 2007. С. 141.

⁴ Шитова, 1979. С. 81.

⁵ Атнагулов, 2007. С. 142.

на праздничном и ритуальном столе. Из кислого и пресного теста готовили печёные и жареные изделия. Из пшеничной муки делали лапшу, которой заправляли мясной бульон¹.

Некоторые овощи, например огурцы, употребляли в свежем виде. Картофель, тыкву, репу – отваривали, огурцы и капусту засаливали. Нагайбаки солили овощи сами², в отличие от татар³, которые предпочитали приобретать данную продукцию на рынке. Поскольку садоводства у них, как и в целом по Оренбургской губернии, практически не было⁴, то фрукты приобретались на рынке. Из дикорастущих ягод употребляли в пищу вишню, черёмуху, из которых варили компот, а высушенные и протёртые ягоды вишни смешивали со сливочным маслом. В дни сбора ягод пекли пироги с клубникой и земляникой. Употребляли в пищу травы – борщевик, крапиву, щавель, дикий лук, чеснок, шалфей, душицу, иван-чай, богородскую траву, лебеду, коноплю. Травами приправляли пищу или заваривали в виде чая, из конопли делали масло⁵.

Употребление в пищу мясных изделий по ассортименту сырья и способов его обработки, в общем, соответствовал общетюркским традициям, сохранявшимся у соседей нагайбаков – татар, башкир и казахов. Основным мясным компонентом в пище являлась баранина, которая использовалась как в повседневной, так и в ритуальной пище. Говядину употребляли наравне с бараниной, но по вкусовым качествам она ценилась ниже. Допускалось и допускается употребление в пищу конины, вероятно в результате контактов с казахами⁶. Употребление в пищу свинины не запрещалось, но и не предпочиталось. Люди преклонного возраста вообще отказывались от этого продукта. Свинина могла присутствовать в повседневном рационе нагайбаков, но отсутствовала в обрядовой пище, как и у других групп крещёных татар⁷. По-видимому, это связано с мусульманским прошлым. Наиболее приемлемым способом кулинарной обработки мясопродуктов являлись способы варки или тушения.

Существенным дополнением к основному рациону являлись продукты птицеводства – мясо кур, уток, гусей и индеек. При термической обработке мяса птицы допускалось обжаривание. Употребляли в пищу речную рыбу, которую варили, жарили, солили, вялили, клали в начинки пирогов. Мясо диких животных, в основном зайцев, и птиц – диких уток, употребляли, но редко⁸.

¹ Атнагулов, 2007. С. 141-145.

² Там же. С. 146.

³ Губайдуллин, 1927. С. 26.

⁴ Распопов, 1884. С. 78; ГАОО, ф. 168, оп.1, д. 40.

⁵ Атнагулов, 2007. С. 146-147.

⁶ Атнагулов, 2007. С. 147-153.

⁷ Мухаметшин, 1995. С. 128.

⁸ Атнагулов, 2007. С. 153-154.

Нагайбаки в прошлом почти не употребляли в пищу цельное молоко. Им кормили детей, забеливали чай, добавляли в похлёбки, каши или тесто. В соответствии с общетюркскими традициями готовили широкий спектр кисломолочных изделий. Больше всего употребляли коровье молоко, реже – козье или кобылье. Последнее – исключительно в виде кумыса, который приобретали у казахов. Пищевыми продуктами на основе коровьего молока были – молозиво, на основе которого делали творожную массу, а также использовали при изготовлении мучных изделий, из сепарированного молока получали сливки и сметану. Сливочное масло для хранения перетапливали с солью и использовали для жарки. Из молочнокислых продуктов у нагайбаков на первом месте было приготовленное на закваске кислое молоко – катык. Молодой катык употребляли самостоятельно, а выдержанным заправляли горячие блюда. Катык, разбавленный водой – айран, являлся широко распространённым напитком. Творог готовили из молодого катыка и из цельного молока, употребляя как самостоятельно, так и в виде начинок для мучных изделий. Иногда творог варили долго, доводя до красноватого цвета¹. Куриные яйца употреблялись в пищу в варёном, жареном виде, а также использовались при изготовлении различных блюд. Обычным блюдом из яиц являлась жареная или запеченная яичница².

В каждой современной нагайбакской семье с традиционной кухней не только знакомы, но и готовят традиционные блюда и снеди регулярно. Известны семьи нагайбаков, покинувшие родные места давно, но тем не менее готовящие традиционные блюда, если не регулярно, то периодически. По наблюдениям та часть нагайбакского населения, которая считает, что с традиционной кухней не знакома, или не готовит, на самом же деле готовит и употребляют такие блюда регулярно. Это объясняется тем, что эта часть населения считает, что кухня нагайбаков не имеет ничего оригинального («едим то же, что и все – хлеб, картошку, мясо, пироги» и т.п.)³. Как было отмечено выше, в Нагайбакском районе проживают в основном русские, нагайбаки и казахи. Блюда кухонь этих народов присутствуют на повседневном и празднично-ритуальном столе практически в каждой семье Нагайбакского района. Многие из них стали обыденными, привычными. Во всех семьях готовят русские, нагайбакские и казахские угощения. Некоторые традиционные кулинарные изделия, заимствованные одним народом от другого, теперь уже не рассматриваются реципиентом как инновация, а наоборот – считаются обычными. В течение XX в. под русским влиянием нагайбаки стали употреблять в пищу некоторые виды грибов. Очевидно, что этнические различия в современ-

¹ Атнагулов, 2007. С. 154-158.

² Там же. С. 158-159.

³ Атнагулов, 2015а. С. 132-133.

ной системе питания жителей Нагайбакского района следует усматривать не столько в номенклатуре блюд и снедей, а в соотношении удельного веса пищи растительного и животного происхождения, некоторых предпочтений в выборе сырья для приготовления одних и тех же блюд. Например, для русской кухни характерен большой удельный вес пищи растительного происхождения, а для нагайбакской – животного, ещё в большей степени животная пища характерна для казахской кухни.

Среди пищи животного происхождения на первом месте по частоте употребления у русских, нагайбаков и казахов стоит молоко, как в цельном, так и в переработанном виде. Второй по значимости и удельному весу пищей из продукции животноводства в повседневном рационе является мясо. За последние десятилетия значительно расширился спектр изготавливаемых из него блюд, способы термической и ферментационной обработки. Широко употребляются снеди из мясoproductов промышленного производства. Всё это в одинаковой степени характерно как для нагайбаков, так и для их соседей – русских и казахов. Этнические особенности проявляются в предпочтениях при выборе мясного сырья. Мясо птицы, обычно кур, широко употребляется в пищу, особенно летом. Мясо гуся по-прежнему считается изысканным, блюда из него готовятся на празднично-ритуальный стол. Пища растительного происхождения традиционно занимает самую значительную часть повседневного и празднично-ритуального стола у нагайбаков и русских. У нагайбаков по-прежнему заметную долю в рационе занимают мучные изделия во всех видах. За последнее столетие заметно возросло употребление в пищу овощей и фруктов. Последние выращиваются на приусадебных участках, покупаются в магазинах и на рынках и употребляются как в свежем виде, так и консервируются на зиму. Перечень культур, способы и приёмы консервации у нагайбаков ничем не отличаются от русских. Это обычные для данного региона культуры – капуста различная, огурцы, томаты, кабачки, яблоки, вишня, малина, смородина, клубника и др. В достаточном количестве выращивается картофель. В целом, характеризую современную нагайбакскую систему питания, необходимо отметить следующее: она продолжает сохранять черты поволжско-тюркской кухни с заметными инновационными изменениями, связанными как с влияниями соседей – русских и казахов, так и общими изменениями, связанными со значительно расширившимся информационным полем, а также использованием современной бытовой техники, новых видов посуды и т.п.

В современных практиках из всего материального производства у нагайбаков этномаркирующие усматриваются в некоторых элементах хозяйственной деятельности, системы питания, исторической памяти, обрядово-праздничной культуры и фольклора. В традиционной хозяйственной деятельности по-прежнему значительную долю составляют животноводство и птицеводство. Дальнейшее развитие в течение XX – нач.

XXI в. получило садоводство и огородничество. Изменился социально-профессиональный состав нагайбаков – увеличилось число людей, занятых в различных отраслях, не связанных с земледелием и животноводством¹.

Обязательным этническим признаком, неотъемлемым фактором существования народа для большинства нагайбаков продолжает, как и прежде, являться язык. Согласно лингвистической классификации язык нагайбаков является говором в составе среднего диалекта татарского языка². Вместе с нагайбакским в его состав входят ещё два – говоры кряшен Заказанья и Нижнего Прикамья³. По основным показателям – лексическому составу, фонетическим, морфологическим особенностям – говор нагайбаков обнаруживает параллели в большинстве говоров среднего диалекта, особенно в говоре заказанских, прикамских кряшен⁴, нукратских (вятских) татар и татар Приуралья⁵. Говор кряшен Нижнего Прикамья состоит из четырёх подговоров – елабужского, челнинского, заинского и бакалинского⁶. Нагайбакский до 1843 г. формировался на базе кряшенско-татарских говоров Заказанья и Восточного Закамья (мензелинский говор)⁷. Поскольку этнической территорией нагайбаков были земли Уфимской провинции – Белебеевского уезда (ныне – Бакалинский район Республики Башкортостан), то ближайшими соседями нагайбаков были кряшены данного региона, не вошедшие в казачье сословие, или группа бакалинских кряшен, как их определяют в структуре кряшен Восточного Закамья⁸.

Язык, на котором говорили казаки-нагайбаки до 1843 г. на территории Белебеевского уезда, вероятно, являлся общим для всего кряшенского населения, поскольку и казаки-нагайбаки, и кряшены неказачьего сословия формировались из одних и тех же этнических компонентов (см. выше). О том, что языком нагайбаков является татарский, писали исследователи XIX в. – П.И. Небольсин⁹, В.Н. Витевский¹⁰, Ф.М. Стариков¹¹, Н.Ф. Катанов¹². Е.А. Бектеева отмечала, что татарский язык, на котором нагайбаки говорят, не литературный, а народный, употребляющийся только для житейских нужд¹³.

¹ Атнагулов, 2015а. С. 121-123.

² Закиев, 1996. С. 370; Народы России. С. 238; Рамазанова, 1995. С. 88.

³ Исхаков, 1993. С. 117.

⁴ Баязитова, 1986. С. 38-39.

⁵ Рамазанова, 1995. С. 93.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Баязитова, 1986. С. 38-39; 1995. С. 94.

⁸ Исхаков, 1993. С. 132-133.

⁹ Небольсин, 1852. С. 21-22.

¹⁰ Витевский, 1897. С. 439-440.

¹¹ Стариков, 1891. С. 216.

¹² Катанов, 1898. С. 14.

¹³ Бектеева, 1902. С. 175.

После переселения в 1843 г. нагайбаков на территорию Южного Зауралья их язык стал складываться изолированно от бакалинских кряшен и в связи с этим приобрёл некоторые особенности¹. Поэтому язык нагайбаков выделяется в качестве самостоятельного говора в одном таксономическом уровне вместе с говорами других групп кряшен. Некоторые различия от языка татар сложились в силу тех же обстоятельств, по которым возникли таковые в говорах других групп кряшен. Это связано, главным образом, с конфессиональной принадлежностью – отсутствие арабизмов и фарсизмов в языке. У нагайбаков отличительные особенности появлялись ещё и под воздействием тесных контактов с русскими². Нагайбаки по сравнению с другими тюркоязычными народами региона начали говорить на русском языке относительно рано. П.И. Небольсин, описывая население с. Нагайбаково и Бакалы Белебеевского уезда, сообщает, что здешние мужчины, почти все, вполне свободно общаются на русском языке, но женщины им не владеют³.

До 1939 г. татарское и кряшенское письмо обслуживалось разными графическими системами. Письменность для кряшенских говоров, включая нагайбаков, была разработана ещё во второй половине XIX в. членом-корреспондентом Российской Академии наук Николаем Ивановичем Ильминским (1822–1891). Алфавит Ильминского представляет собой модифицированную кириллицу с добавлением к основному составу букв для отражения татарской фонетики: Ää, Êê, Öö, Нн, Ыы. Татарская письменность до 1927 г. обслуживалась арабской графикой, а затем перешла на латиницу (яналиф), просуществовавшую до 1939 г. Затем был внедрён кириллический алфавит татарского языка, общий для татар и кряшен. До нач. 1960-х гг. в нагайбакских школах проводились уроки татарского языка. Подготовка учителей осуществлялась на базе Троицкого педагогического училища. В настоящее время отдельными учителями осуществляются попытки внедрения уроков на родном языке.

Важным показателем в языковой культуре населения является представление о том, что считается родным языком. Согласно примордиалистскому пониманию этого вопроса родным языком необходимо считать тот, название которого соответствует этнониму. То есть в данном случае таковым должен быть нагайбакский (татарский) язык. Как показали результаты анкетирования, понятия о родном языке у опрошенного нагайбакского населения разделились. Что касается основного разговорного языка среди нагайбаков, то и здесь нет единодушия в ответах. Это свидетельствует о том, что языковая культура нагайбаков к нач. XXI в.

¹ Рамазанова, 1995. С. 88.

² Баязитова, 1995. С. 116.

³ Небольсин, 1852. С. 21–22.

находится в таком динамическом состоянии, которое характеризует её как утрачивающую прежнюю маркирующую функцию.

В религиозном отношении нагайбаки являются православными христианами, что всегда являлось одним из важнейших маркёров, отличающих данную группу вместе с остальными кряшенами от татарского и другого мусульманского окружения. Собственно религиозная идентичность стала основополагающей в процессе постепенного отделения групп крещёного татарского населения от той части, которая сохранила приверженность мусульманству. Поэтому в истории формирования нагайбаков конфессиональный фактор имел очень большое значение. В этом смысле нагайбаки разделили судьбу многих российских, в том числе тюркоязычных, народов, попавших в русло государственной политики по созданию через христианизацию политически лояльного населения¹.

До 1736 г. на территории Уфимской провинции формировались основные этнические компоненты, вошедшие в состав нагайбаков – группы крещёных татар, крещёных и некрещёных чувашей и, возможно, удмуртов с марийцами. Всё местное крещёное инородческое население получило здесь общее название – «уфимские новокрещёные». Этнические компоненты, вошедшие в состав нагайбаков, принимали христианство в разное время. Здесь, опираясь на данные XVIII в.², следует выделить две категории «крещёных инородцев» – так называемых «старокрещёных», принявших православие ещё во времена Иоанна Грозного, и «новокрещёных», обращённых в православие в XVIII в. По поводу принятия христианства теми предками нагайбаков, которые крещены во второй половине XVI в., существует два мнения. Одни исследователи считают, что крещение было добровольным, другие – принудительным. Принудительное крещение казанских татар и прочих инородцев Среднего Поволжья и Прикамья после 1552 г. в исторической литературе описано хорошо, так же как упоминалось и о добровольном принятии православия некоторыми из татарских мурз. Нет сомнения также, что в числе предков нагайбаков было большое число мусульман и поклонников родоплеменных культов. В эту пользу свидетельствует заметный пласт пережиточных явлений в разных сферах традиционной культуры.

История религиозного состояния нагайбаков имеет ряд особенностей, характерных, впрочем, и для остального крещёного инородческого населения России. Акт христианизации предков нагайбаков, как и другого населения Поволжья в кон. XVI в. носил во многом формальный характер. Как известно, процесс христианизации населения Волго-Камья происходил на протяжении, как минимум, почти двух столетий – с 1552 г. по середину XVIII в. Однако во второй половине XVIII – первой поло-

¹ Октябрьская, 2005. С. 78.

² Рычков, 1762. Ч. II. С. 206-207

вине XIX в. принадлежность к православному христианству у многих групп кряшен оставалась лишь номинальной. Исследователями XIX в. не раз отмечались многочисленные дохристианские пережитки, бытовавшие у нагайбаков¹. Казаки-нагайбаки, будучи составной частью Оренбургского казачьего войска, находились под пристальным вниманием местной епархии. Основными проблемами в укреплении православного сознания среди нагайбаков были недостаток храмов и отсутствие священнослужителей, умеющих читать проповеди на татарском.

Формирование нагайбаков проходило в условиях конкуренции двух крупнейших религиозных конфессий, имевших влияние в волгоуральском регионе – мусульманства и христианства. Обе религиозные системы в той или иной степени сталкивались с устойчивым сохранением среди неопитов пантеистических традиций. К моменту переселения в Верхнеуральский, Троицкий, Оренбургский и Орский уезды религиозное сознание нагайбаков было таким, что, несмотря на принадлежность к христианству, в нем сохранялись элементы мусульманства и пантеизма.

Все это не могло не беспокоить иерархов православной церкви. Главной целью миссионерской деятельности становится уже не распространение христианства, а удержание инородцев от перехода в мусульманство. Наибольшему влиянию мусульманства подверглись нагайбаки Оренбургского и Орского уездов, попавшие в тесное соседство с татарами. Не исключено, что в эту группу нагайбаков попали в основном потомки тех, кого среди нагайбаков в XVIII в. называли «крещёными азиатцами». Верхнеуральская группа не испытывала столь сильного влияния со стороны мусульманского духовенства. Поэтому христианская миссионерская деятельность в этом случае проходила с большим успехом. Главную роль здесь играли религиозные просветители из крещенотатарской среды – Н.И. Ильминский и И.Т. Тимофеев². Во второй половине XIX в. верхнеуральская группа нагайбаков окончательно укрепились в православии. Разумная миссионерская политика, сменившая неудачные попытки грубой русификации, несомненно, принесла свои плоды. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. во всех нагайбакских посёлках жители отмечены как православные³. Именно с 1880-х гг. в нагайбакских станицах Верхнеуральского уезда начинается строительство церквей. Оренбургское духовенство и войсковое начальство предпринимали решительные меры по укреплению нагайбаков в православии. После целого ряда мероприятий, проводимых Русской православной церковью во второй половине XIX – нач. XX в. по укреплению своих позиций среди крещёных инородцев,

¹ Софийский, 1891; Бектеева, 1902. С. 176-177.

² Бектеева, 1902. С. 178-179.

³ Населённые места Российской империи. С. 127-133.

религиозное сознание нагайбаков к нач. 1920-х гг. становится весьма устойчивым.

История религиозного развития нагайбаков в период с 1930-х по 1990-е гг. проходила сложный и драматичный путь. С самого начала 1930-х гг. православно-христианская культура нагайбаков находилась под влиянием тех же процессов, которые осуществлялись государством в отношении всех религиозных конфессий, существовавших в стране. Как и везде, за короткий период все церкви Нагайбакского района были ликвидированы.

Свидетельства очевидцев событий начала 1930-х гг. демонстрируют процесс смены государственной идеологии на судьбах конкретных людей – жителей конкретных сёл. Новое поколение – молодёжь 1930-х гг., вернее, её коммунистическо-комсомольский авангард, решительно уничтожает религиозную культуру как пережиток прошлого. Жители старшего поколения 1930-х гг. воспринимали это как великую драму, хотя открытого социального конфликта между поколениями не произошло. Прежнюю религиозную культуру, как могли, сохраняли в отдельных семьях. Религиозная культура и самосознание нагайбаков не исчезли, но продолжали долгое время сохраняться в латентном состоянии. И лишь с кон. 1980-х – нач. 1990-х гг. у нагайбаков, как и у населения всей страны, стал наблюдаться процесс религиозного возрождения. С 1993 г. в районе начала работу инициативная группа по строительству православного храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы в с. Фершампенуаз. После того как предложение членов группы было поддержано руководством района, землю для храма выделили в центре села, примерно на том же месте где был прежний. В 1995 г. была начата подготовка котлована под фундамент и освящение места закладки храма. Строительство было завершено в 2001 г. Поскольку на сегодняшний день данный объект является единственным православным храмом в районе, его посещают не только местные прихожане, но и верующая часть населения из других сёл. Немало в их числе и нагайбаков. В настоящее время подавляющее большинство нагайбаков считают себя православными.

Религия, как и язык, продолжает выполнять этноконсолидирующую функцию. Деление общества на «христиан» и «мусульман» для большинства является понятным и ясным структурированием населения и влияет на выбор приоритетов в различных стратегиях, например партнёра по браку¹. При этом маркёры «христианин» или «мусульманин» не обязательно должны отражать истинное религиозное состояние человека, например атеизм. Это, скорее, народное понимание культурной принадлежности индивидуума по происхождению к какому-либо из этих двух «миров». Ощущая себя православными христианами, нагайбаки вместе с

¹ Атнагулов, 2015а. С. 139-141.

тем подчёркивают этнические особенности во многих празднованиях – новогодний цикл (*Нардуган*), Масленица (*Май чабу*), Вербное Воскресенье (*Бэрманчек боткасы*), Пасха (*Оло көн*), Троица (*Труйсын, Тручын*) и др.¹ За последнее десятилетие заметно возрос интерес нагайбаков к своему народному фольклору. Отмечается некоторое увеличение числа людей, знающих до пяти нагайбакских песен и уменьшение числа тех, кто не знает таковых. В гораздо большей степени увеличилось число людей, знающих нагайбакские народные сказки. Среди перечисленных произведений народного творчества есть как чисто нагайбакские, так и русские на нагайбакском языке. Лидером рейтинга является сказка «Колобок». Увеличению числа знающих народные сказки способствовала публикация в 2008 г. книги С.И. Вдовиной², где имеется раздел с её пересказами фольклорного материала.

Представляя комплексную культурно-антропологическую характеристику нагайбаков, в данном разделе ничего не было сказано о физико-антропологических особенностях народа. Это объясняется тем, что данный вопрос начал изучаться только недавно. Сделаны первые дерматоглифические исследования в с. Кассель и Остроленка³, и хочется надеяться на то, что подобные исследования продолжатся. Это поможет дать более точные ответы на ряд вопросов, связанных с генезисом группы. По оценочным данным нагайбаки по физико-антропологическому облику в большинстве своём вполне соответствуют тем популяциям, в среде которых они формировались на территории Восточного Закамья. Это в основном носители европеоидных признаков, с возможным вкраплением комплексов уральского и понтийского происхождения. По нашим полевым данным физическая антропология представляет определённый маркирующий фактор при этнической диагностике нагайбаками и их соседями друг друга. На территории Нагайбакского района отчётливо выделяются две не равные по численности представителей и чётко разделённые по входящим в них этносам расовые группы. Одну составляют казахи, вторую – русские, нагайбаки, татары, мордва, украинцы и др. При физико-антропологической диагностике обеими группами друг друга учитываются морфологические признаки. Здешние казахи, как и большинство их соплеменников, по классификации Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина⁴ относятся к южносибирской смешанной расе⁵. Остальная часть населения принадлежит различным вариантам большой европеоидной расы. В повседневных практиках физико-антропологические различия между

¹ Уразманова, 1995. С. 75-83; Баязитова, 1995. С. 96-101.

² Вдовина, 2008. С. 155-214.

³ Макеева, 2013; 2015.

⁴ Рогинский, 1978. С. 374.

⁵ Там же. С. 406.

нагайбаками и русскими отмечаются не по морфологии, а в большей степени по соматическим признакам. Обнаруживая комплекс европеоидных черт, нагайбаки, по сравнению с русскими, в среднем более тёмно пигментированы.

Завершая рассказ о нагайбаках, следует отметить, что они в процессе своего развития прошли за чрезвычайно короткий, по историческим меркам, период от сословной группы в составе крещёных татар Уфимской провинции XVIII в. до вполне сформировавшейся группы с собственным этническим самосознанием и ощущением этнической родины с вполне реальными административно-территориальными границами. На протяжении XX в. становление нагайбакской идентичности происходило под влиянием различных внешних факторов, которые по характеру и методам воздействия на идентичность нагайбаков противоречивы и даже весьма причудливы. Отмена сословий и антирелигиозная политика государства, безусловно, повлияли на культурный облик народа, но никаким образом не оказали воздействия на состояние нагайбакской идентичности. Следом за этим по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. они становятся отдельным народом СССР, и в качестве этнонима фиксируется название «нагайбаки». Другим важнейшим государственным актом 1920-х гг. после официального признания этнонима становится создание в 1927 г. Нагайбакского района. Однако уже через десять лет почти все данные национально-административные образования были упразднены. Эти события совпали с сокращением перечня национальностей СССР, который произошёл во время Всесоюзной переписи населения 1939 г. По какой-то причине нагайбаки, как и большинство остальных малочисленных народов СССР, оказавшись лишёнными собственного этнонима, не утратили права на национально-территориальное образование – Нагайбакский район. Факт создания и сохранения национально-административной единицы явился ещё одним значимым в истории народа событием, положившим существенный вклад в создание фундамента современной нагайбакской идентичности.

Несмотря на официальный запрет употребления исторически сложившегося этнонима, нагайбаки продолжали его использовать, что было отражено во многих других, кроме паспортов, документах. В соответствии с Законом РФ «Основы законодательства Российской Федерации о правовом статусе коренных малочисленных народов» от 18 июня 1993 г. и постановлением Правительства Российской Федерации № 255 от 24 марта 2000 г. «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации»¹ нагайбаки официально получили статус коренного малочисленного народа.

¹ URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Башкиры и нагайбаки, несмотря на очевидные различия в происхождении, истории и культуре, имеют тем не менее много общего. Формирование нагайбаков как новой идентичности происходило на землях северо-западных групп башкир, а их становление как самостоятельного этноса развивалось уже рядом с башкирами юго-восточными. Являясь близкими друг к другу по языку, башкиры и нагайбаки были совершенно противоположны по хозяйственно-культурным типам. Первые являлись полукочевниками-скотоводами, вторые – пашенными земледельцами. Исходя из этих различий, складывалась их материальная культура – жилища, одежда, система питания. Вместе с тем некоторые архаические пласты материальной культуры башкир и нагайбаков обнаруживают сходства, что свидетельствует о близости их далёких предков – тюркских племён Поволжья, Приуралья и Западной Сибири.

Одними из главных этноопределяющих черт нагайбаков, которые отличали их от окружающего тюркского населения, в том числе башкир, были принадлежность к православному христианству и казачьему сословию. Однако известно, что башкиры с конца XVIII в. по 1860-е гг. также состояли в казачестве и имели совершенно одинаковый с нагайбаками общественный статус.

По-разному происходил процесс формирования этих народов. Башкиры возникли в процессе продолжительных этнокультурных контактов, длившихся несколько столетий. Нагайбаки – это результат энергичной деятельности государства, его внутренней политики, действий по формированию сословно-классовой структуры Оренбургской губернии и Оренбургского казачьего войска. Таким образом, сравнительный анализ причин и условий возникновения и истории башкир и нагайбаков являются весьма показательным примером того, насколько относительными и не всегда функциональными могут быть такие распространённые методологические подходы в этнологии, как примордиализм и конструктивизм.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Адстрат (лат. ad – около, при и stratum – слой, пласт) – в этнологии сторонние влияния в этногенезе, культурогенезе.

Алломорф (греч. allos – другой и morphe – форма) – в лингвистике термин, обозначающий вариант *морфемы* (см.), которая может иметь разные варианты произношения, не изменяя при этом своего значения.

Антропология (греч. anthros – человек и logos – наука) – наука о человеке, включающая совокупность научных дисциплин, изучающих человека как явление биологическое и социальное.

Антропология физическая – научная дисциплина, изучающая эволюцию и физическое становление человека и его расового разнообразия.

Ассимиляция (лат. assimilation – уподобление) – тип этнических процессов, представляющий собой взаимодействие двух этносов, в результате которого один из них поглощается другим и утрачивает этническую идентичность. Может проходить как естественным, так и насильственным путем.

Аффикс (лат. affixus – прикрепленный) – *морфема* (см.), несущая в слове дополнительное, служебное значение – словообразовательное или грамматическое и противопоставленное корню, например приставка, суффикс, окончание.

Бахмутинская культура – комплекс археологических памятников сер. I тыс. н.э. на территории Республики Башкортостан. Название получила по могильнику у деревни Бахмутино Благовещенского района. Располагается в бассейне р. Белая, Быстрый Танып, Кама и Уфа. Этнолингвистическая принадлежность бахмутинцев – финно-угры.

Блюдо – в этнографической классификации системы питания, по определению С.А. Арутюнова, это продукт, предназначенный к потреблению более или менее непосредственно по изготовлению и не допускающий длительного хранения.

Дерматоглифика (греч. dermatο – кожа и glipho – вырезаю, гравировую) – в *физической антропологии* (см.) раздел *морфологии* (см.), изучающий рельеф кожной поверхности – папиллярные (тактильные) линии и узоры ладоней и подошв у человека, приматов и некоторых других млекопитающих.

Европеоидная раса, европеоиды – одна из больших *рас* (см.). Распадается на три ветви – североευропейскую, среднеевропейскую и южноевропейскую (средиземноморскую), которые, в свою очередь, включают множество локальных антропологических типов, в том числе смешанного происхождения. На территории Среднего Поволжья и Юж-

ного Приуралья европеоидная раса представлена в основном средневропейским среднепигментированным и южноевропейским тёмнопигментированным понтийским вариантами. В большей степени характерна для некоторых групп финно-угорского населения, части татар, нагайбаков и западных групп башкир.

Кантонная система управления на Южном Урале – военная форма управления в 1798 – 1865 гг. в Оренбургской и Уфимской губерниях, в соответствии с которой Оренбургское и Башкиро-мещерякское казачьи войска были разделены на особые территориальные образования (кантоны), управлявшиеся исключительно войсковым начальством. Число кантонов менялось. Например, в 1798 г. было образовано 11 башкирских и 5 мещерякских кантонов.

Караабызская культура – комплекс археологических памятников раннего железного века (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Название получила по городищу Кара-Абызскому, открытому в 1770 г. Н.П. Рычковым. Место локализации – среднее течение р. Белой. Этнолингвистическая принадлежность караабызцев – угры.

Краниология (греч. *kranion* – череп и *logos* – наука) – в антропологии комплекс дисциплин, изучающих нормальные вариации формы черепа у человека. В учении об антропогенезе данные краниологии используют при характеристике этапов физической эволюции человека. В расоведении на основе изучения черепного материала делаются заключения о путях дифференциации расовых типов.

Курдючная овца – разновидность грубошёрстных овец, отличительной особенностью которых является наличие курдюка – жирового отложения в области крестца. Ареал распространения – южные регионы России, Казахстан, Афганистан, Иран и Северная Африка.

Кыпчаки (кипчаки) (рус. – половцы, тат. – кыпчак, башк. – кыпсак, каз. – кыпшак, средневек. европ. и виз. – куманы) – средневековый кочевой тюркоязычный народ. В XI-XII в. занимали территорию от Дуная до Иртыша. В Золотой Орде кыпчакский язык стал основным разговорным. Позже кыпчакский язык лёг в основу татарского, башкирского, казахского, карачаево-балкарского, кумыкского, ногайского, каракалпакского, некоторых диалектов узбекского и крымскотатарского языков.

Летовка – летний выпас домашнего скота. У кочевников и полукочевников связан со значительными географическими перемещениями стада.

Монголоидная раса, монголоиды – одна из больших *рас* (см.). Распадается на ветви тихоокеанскую и северную. В России большинство монголоидных групп населения представлены северной ветвью. На территории Среднего Поволжья и Южного Приуралья чисто монголоидных

популяций нет, но имеются антропологические типы, возникшие при непосредственном участии монголоидной расы во взаимодействии с европеоидной, – *южносибирский* (см.) и *уральский* (см.).

Морфема (греч. *morphe* – форма) – минимальная значимая часть слова.

Морфология (греч. *morphe* – форма и *logos* – наука) – раздел *физической антропологии* (см.), изучающий изменчивость строения тела.

Огуры – союз племён, выделившийся, вероятно, в сер. I тыс. из состава пратюркских племён в Центральной Азии. В нач. н.э. стали известны в Восточной Европе под названиями «оногуры», «сарагуры», «кутригуры», «утигуры» и др. Существует предположение, что с именем огуров связано происхождение таких этнонимов как, болгары и угры.

Одонтология (греч. *odontos* – зуб и *logos* – наука) – в *физической антропологии* (см.) направление, изучающее эволюционную, расовую и этническую изменчивость строения зубной системы человека и его предков.

Патриархально-родовые общественные отношения – тип общественного устройства, предшествующий феодализму. Для народов, существующих при таких общественных отношениях, характерны слабая социальная дифференциация общества, отсутствие частной собственности, большой авторитет родоплеменных вождей, институты обычного права. Среди подобных обществ иногда возникают организации *потестарного* (см.) характера.

Переложное земледелие – один из ранних примитивных типов земледелия. Старые, бывшие в использовании участки земли оставляются на несколько лет, затем снова используются.

Подсечное (подсечно-огневое) земледелие – один из ранних примитивных типов земледелия. Посевную площадь готовят сжиганием леса, затем сеют по золе. Через несколько лет, по мере истощения почвы, выжигают новый участок.

Полуфабрикат – в этнографической классификации системы питания, по определению С.А. Арутюнова, это продукт, прошедший определённую обработку, но ещё не готовый к употреблению в пищу. Например, мука и крупа являются полуфабрикатами из зерновых культур, а вяленое мясо – полуфабрикат мясного сырья.

Понтийский антропологический тип – в составе южной ветви большой *европеоидной расы* (см.) имеет распространение в Причерноморье, Северном Кавказе, Закавказье, на Восточно-Европейской равнине и Среднем Поволжье. Отличительные признаки – длина черепа средняя (мезокефалия), тёмная или средняя пигментация волос и глаз, высокое переносье, выпуклая спинка носа, с опущенным кончиком и основанием, развитый третичный волосяной покров, рост средний с тенденцией к по-

вышению. В Волго-Уральском регионе чаще всего встречается среди татар, русских, украинцев, западных башкир.

Потестарность (лат. *potestas* – власть) – одна из форм организации власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, не имевших государственности в виде военной демократии.

Прауральская этноязыковая общность, прауральцы – древнейшее население Среднего, Северного Урала и Западной Сибири – общиe предки народов *финно-угорской* (см.) и *самодийской* (см.) языковых групп. По мнению В.В. Напольских, выделение из прауральцев прафинно-угорской ветви произошло не позднее кон. III тыс. до н.э., а прасамодийской – не позднее кон. I тыс. до н.э.

Прафинно-угорская этноязыковая общность, прафинно-угры – предки современных народов *финно-угорской группы* (см.), выделившиеся в примерно в IV-III тыс. до н.э. из *прауральской* (см.) этноязыковой общности. Территорией первоначального расселения (прародиной) этих племён, по мнению В.В. Напольских, являлся ареал, охватывающий область от Прикамья на западе до среднего течения Енисея на востоке.

Пчеловодство бортное – старейшая форма пчеловодства, при которой пчёлы живут в дуплах деревьев (бортях). Дупла могли быть естественными или выдолбленными человеком.

Пчеловодство пасечное – вид пчеловодства, при котором пчёлы живут в ульях – специально изготовленных для них жилищах в виде ящиков. Место, оборудованное под ульи, называется пасекой.

Пьяноборская культура – комплекс археологических памятников II в. до н.э. – III в. н.э., расположенных в низовьях р. Белой и Средней Каме. Название связано с могильником в с. Пьяный Бор (ныне – Красный Бор) Агрызского р-на Республики Татарстан. По физико-антропологическому типу население было смешанным с преобладанием европеоидного компонента. Считается, что пьяноборцы являлись предками удмуртов.

Раса – группа людей современного вида (*Homo sapiens*), имеющая общее происхождение и ряд морфологических и физиологических признаков, которые передаются по наследству. В современной физической антропологии нет единого принципа расовой классификации.

Савроматы – кочевые ираноязычные племена, жившие в VII-IV вв. до н.э. в степях Поволжья и Приуралья. По происхождению, культуре и языку родственны скифам.

Саман, саманный кирпич (тюрк. *saman* – солома) – разновидность сырцового кирпича, изготовленного из глины, соломы и других добавок, высушенного на солнце в специальной форме.

Самодийская этноязыковая общность, самодийцы (устар. рус. – самоедь, самоеды) – народы, которые по этнолингвистической классификации входят в самодийскую группу – ненцы, энцы, нганасаны и селькупы.

Сарматы – кочевые ираноязычные племена, жившие в III до н.э. – IV вв. н.э. на территории от р. Тобол до Дуная. Ближайшими родственниками сарматов являются савроматы и скифы. В первые века н.э. сарматы смешались со славянами, тюрками, северокавказцами и др.

Снедь – в этнографической классификации системы питания, по определению С.А. Арутюнова, это продукт, вполне готовый к употреблению в пищу без какой-либо дальнейшей обработки, притом продукт, допускающий более или менее длительное хранение. Например, снедью являются хлеб, колбасы.

Субстрат (лат. sub – под, при + stratum – слой, пласт) – в этнологии термин, обозначающий хронологически первичный, нижний слой в этногенезе, культуροгенезе. Иными словами – этническую или культурную основу чего-либо.

Суперстрат (лат. super – над, при и stratum – слой, пласт) – в этнологии термин, обозначающий хронологически последний крупный слой в этногенезе, культуροгенезе.

Сырьё – в этнографической классификации системы питания это сырой продукт первичной обработки, обычно не используемый в пищу, но требующий дополнительной термической, механической или ферментационной обработки. Например, пищевым сырьём являются зерно и сырое мясо.

Тебенёвка (тюрк. tebin – зимнее пастбище под снегом) – способ зимнего выпаса скота у кочевников, полукочевников и, отчасти, у оседлого населения, при котором животные кормятся самостоятельно, добывая траву из-под снега. Тебенёвка возможна в лесостепной и степной зонах, где высота снежного покрова незначительна.

Трёхпольная система земледелия – способ обработки земли, при котором участок делится на три части – под яровые, озимые культуры и пар. Последняя часть не засеивалась несколько лет, для восстановления плодородия. Раз в несколько лет землю под пар меняли.

Тюркская этноязыковая общность, тюрки – народы, которые по этнолингвистической классификации входят в тюркскую группу. Единой систематики тюркских языков не существует. Обычно выделяют: огузскую (юго-западную) подгруппу – турки, азербайджанцы, гагаузы, часть крымских татар, туркмены, кашкайцы и другие тюркоязычные группы Ирана, часть узбеков; кыпчакскую (северо-западную) подгруппу – татары (все группы, кроме части крымских), башкиры, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы, казахи, каракалпаки, часть узбеков, киргизы; карлукскую – часть узбеков, уйгуры; алтайскую – алтайцы, куман-

динцы, челканцы, тубалары; саянскую – тувинцы, тофалары; хакаскую – хакасы, шорцы; якутскую – якуты, долганы; болгарскую – чуваш.

Уральская раса, уральский антропологический тип – смешанная раса, имеющая европеоидно-монголоидное происхождение. Признаки уральской расы фиксируются у народов от Финляндии, Юго-Восточной Прибалтики до Западной и Южной Сибири. В западном направлении у популяций нарастают европеоидные признаки, в восточном – монголоидные. На территории Среднего Поволжья и Приуралья данный антропологический тип фиксируется среди удмуртов, марийцев, части татар, значительной части башкир, в Западной Сибири – у обских угров, сибирских татар, алтайцев, шорцев и др.

Финно-угорская этноязыковая общность – народы, которые по этнолингвистической классификации входят в финно-угорскую группу. Делятся на подгруппы: прибалтийско-финская – саами, финны, карелы, вепсы, ижорцы, воль, ингермандландцы, эстонцы, ливы и сету; пермская – коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты и бесермяне; поволжскую – марийцы и мордва; угорскую – ханты, манси и венгры.

Хозяйственно-культурный тип – определенный комплекс особенностей хозяйства и культуры, складывающийся исторически у разных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных условиях среды.

Эндоним (греч. endon – внутри, ethnos – народ и onoma – имя) – самоназвание народа.

Этногенез (греч. ethnos – народ и genesis – происхождение) – процесс возникновения народа.

Этнография (греч. ethnos – народ и grapho – пишу) – описательная часть этнологии. Занимается изучением культурно-бытовых и социальных особенностей народов.

Этнология (греч. ethnos – народ и logos – наука) – наука, изучающая этнические процессы, механизмы и закономерности этногенеза и этнической истории, межэтнические взаимоотношения, феномен этнической идентичности и другие вопросы, связанные с этнической спецификой человечества.

Этним (греч. ethnos – народ и onoma – имя) – название народа.

Южносибирская раса, южносибирский антропологический тип – смешанная раса, имеющая европеоидно-монголоидное происхождение. Ареал распространения популяций этого типа – Северный Кавказ (ногайцы), Казахстан и Средняя Азия (казахи, киргизы), Алтай (алтайцы и др.). В Южном Приуралье признаки южносибирской расы фиксируются у некоторых групп юго-восточных и зауральских башкир.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Государственный архив Оренбургской области

ГАОО. Ф. 6, оп. 3, д. 2442/4. Рапорт коменданта крепости Магнитной майора Арбузова господину генералу от кавалерии, 23-й дивизии дивизионному начальнику и кавалеру князю Волконскому. 27 мая 1808 г.

ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1793. Число жителей мужского и женского пола в Остроленке, Фершампенуазе, Требии и Париже. 1844 г.

ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1993. Число дворов и душ мужского пола в Касселе, Остроленке, Требии, Фершампенуазе и Париже. 1853 г.

ГАОО. Ф. 168, оп. 1, д. 40. Рукопись Р.Г. Игнатьева по этнографии Оренбургской губернии.

ГАОО. Ф. 185, оп. 1, д. 8. Число земель, отведённых жителям 2-го Отдела Оренбургского казачьего войска (сентябрь-октябрь 1870 г.)

Государственный архив Челябинской области

ГАЧО. Ф. 10, оп. 1, д. 6. Приказ генерала-адъютанта В.А. Перовского по Оренбургскому казачьему войску. 21 февраля 1838 г.

Интернет-ресурсы

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=2

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=1

Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=1

Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php?reg=1

Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php?reg=1

Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1

Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php

Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав населения по регионам России. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php

Итоги переписи населения 2010 года. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=1

Постановление Правительства Российской Федерации 24 марта 2000 года № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». – URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>

Национальный состав населения Челябинской области: материалы Всероссийской переписи населения 2010 года. – URL: // <http://chelstat.gks.ru/>

Основная литература

Абрамов А.Н. Башкиры / А.Н. Абрамов // Русский антропологический журнал. – 1907. – № 3-4.

Акимова М.С. Антропологические исследования в Башкирии / М.С. Акимова // Антропология и геногеография. – М., 1974. – С. 77-95.

Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология / Э.Б. Алаев. – М: Мысль, 1977. – 200 с.

Акимова М.С. Значение данных антропологии, дерматоглифики и серологии для изучения смешанных групп (на башкирском материале) / М.С. Акимова // Вопросы антропологии. – 1973. – Вып. 44.

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе / С.А. Аннинский // Исторический архив. – М., 1940. – Т. III. – С. 85-92.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1987. – 247 с.

Асфандияров А.З. История сёл и деревень Башкортостана и сопредельных территорий / А.З. Асфандияров. – Уфа: Китап, 2009. – 744 с.

Атнагулов И.Р. Животноводческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века / И.Р. Атнагулов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 2. – С. 318-323.

Атнагулов И.Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика : монография / И.Р. Атнагулов ; Мин-во культуры Челяб. обл., Челяб. гос. краевед. музей ; [Науч. ред. Г.Х. Самигулов]. – Челябинск, 2015. – 217 с.

Атнагулов И.Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика : монография / И.Р. Атнагулов. – Изд. 2-е, с изм. и доп. – Магнитогорск, 2015. – 380 с.

Атнагулов И.Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. / И.Р. Атнагулов. – Магнитогорск, 2007. – 244 с.

Баскаков Н.А. Происхождение этнонима башкир / Н.А. Баскаков // Этническая ономастика / Академия наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1984. – С. 13-17.

Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении / Ф.С. Баязитова. – М.: Наука, 1986. – 248 с.

Баязитова Ф.С. К реконструкции традиционной культуры нагайбаков (обряд и текст) / Ф.С. Баязитова // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков) / отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. – С. 94-117.

Беишев А. Откуда идёт слово «башкорт» / А. Беишев // Агидель. 1962. – № 8. – С. 94-95.

Бектеева Е.А. Нагайбаки (Крещёные татары Оренбургской губернии) / Е.А. Бектеева // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества / под ред. председательствующего в отделе этнографии В.И. Ламанского. – Вып. II. – 1902. – С. 165-181.

Бикбулатов Н.В. Общие сведения о башкирах. Этноним «башкорт» / Н.В. Бикбулатов; под общ. ред. Р.М. Юсупова // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. – Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2002. – С. 5-10.

Бикбулатов Н.В. Основные этапы заселения Южного Урала и этнической истории башкир / Н.В. Бикбулатов, Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова, Ф.Ф. Фатыхова; под общ. ред. Р.М. Юсупова // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. – Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2002. – С. 11-20.

Бикбулатов Н.В. Ремёсла и декоративно-прикладное искусство / Н.В. Бикбулатов, Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова, Ф.Ф. Фатыхова; под общ. ред. Р.М. Юсупова // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. – Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2002. – С. 89-110.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) / Е.Э. Бломквист // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. – С. 3-458.

Бутанаев В.Я. Хакасы / В.Я. Бутанаев; отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов // Тюркские народы Сибири. – М.: Наука, 2006. – С. 558-578.

Вдовина С.И. Соты памяти народной / С.И. Вдовина. – Челябинск: ООО «Алим», 2008. – 224 с.

Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года / В.Н. Витевский. Т. I. – Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1897. – 616 с.

Витевский В.Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии / В.Н. Витевский // Труды IV Археологического Съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. – Т. II. – Казань: Типография Императорского университета, 1891. – С. 257-286.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей. Часть II. О народах татарского племени / И.Г. Георги. – СПб.: Изд-во К.В. Миллера, 1776. – 188 с.

Глухов М.С. Судьба гвардейцев Сеюмбеки (Неформальный подход к ещё ненаписанным страницам истории) / М.С. Глухов. – Казань: Ватан, 1993. – 286 с.

Губайдуллин К. Пища казанских татар (Этнографический очерк) / К. Губайдуллин, М. Губайдуллина // Вестник научного общества татароведения. – 1927. – № 6. – С. 17-49.

Долинова Н.А. Новые данные по дерматоглифике башкир / Н.А. Долинова, Р.М. Юсупов // Антропология и популяционная генетика башкир. – Уфа, 1987. – С. 120-127.

Закиев М.З. Татарский язык / М.З. Закиев // Языки мира: тюркские языки. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 357-371.

Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография) / Д.М. Исхаков. – Казань, 1993. – 172 с.

Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. / Д.М. Исхаков // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков). – Казань, 1995. – С. 4-18.

Катанов Н.Ф. Отчёт о поездке, совершённой с 1 июня 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии / Н.Ф. Катанов // Учёные записки Казанского университета. Кн. I. – Казань: Типо-Литография Императорского университета, 1898. – С. 1-37.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. / А.П. Ковалевский. – Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та им. А.М. Горького, 1956. – 345 с.

Крачковский И.Ю. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / И.Ю. Крачковский. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. – 212 с.

Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки / М.А. Круковский. – М.: Издание К.И. Тихомирова, 1909. – 311 с.

Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа / Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башкиргоиздат, 1978. – 263 с.

Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю / Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1992. – 347 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа / Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1974. – С. 9.

Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X – XIX вв. / Р.Г. Кузеев // АЭБ. Т. III. – Уфа, 1968.

Лепёхин И.И. Записки путешествия Академика Лепёхина / И.И. Лепёхин // Полное собрание учёных путешествий по России. – Т. III. – СПб.: Императорская академия наук, 1821. – 540 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Лукьянченко Т.В. Материальная культура / Т.В. Лукьянченко // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. – М.: Наука, 2003. – 671 с.

Макеева А.И. Дерматоглифика кряшен Поволжья и Урала / А.И. Макеева // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. – 2015. – № 1. – С. 49-65.

Макеева А.И. Первые дерматоглифические исследования нагайбаков / А.И. Макеева // Вестник антропологии. – 2013. – № 2(24). – С. 77-87.

Малиев Н.М. Антропологический облик башкир / Н.М. Малиев // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. – Т. 5. Вып. 5. – Казань, 1876.

Маметьев А.М. Край нагайбакский / А.М. Маметьев, А.П. Моисеев. – Челябинск: Рифей, 1997. – 254 с.

Материалы по истории России // Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735 и 1736 годы. Том II. По архивным документам тургайского областного правления составил А.И. Добросмыслов. – Оренбург: Типо-Литография Ф.Б. Сачкова, 1900. – 279 с.

Медведев В.В. Традиционные хозяйственные постройки чувашей Республики Башкортостан / В.В. Медведев. – Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2014. – 156 с.

Мрясов С. Баш-корт / С. Мрясов // Баш-корт аймагы. – Уфа, 1926. – № 2.

Мурзабулатов М.В. Скотоводческое хозяйство Зауральских башкир в XIX – начале XX в. / М.В. Мурзабулатов // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1979. – С. 62-78.

Мухаметшин Ю.Г. Пища из животноводческих продуктов в системе питания нагайбаков / Ю.Г. Мухаметшин // Нагайбаки (комплексное

исследование группы крещёных татар-казаков). – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. – С. 128-140.

Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX – начало XX в. / Ю.Г. Мухаметшин; отв. ред. Е.П. Бусыгин. – М.: Наука, 1977. – 184 с.

Мухаметшин Ю.Г. Этнографический обзор конструкции и типов традиционных жилищ нагайбаков и их ближайших соседей / Ю.Г. Мухаметшин // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков). – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. – С. 29-50.

Мухаметшин Ю.Г. Этнографический обзор поселений, усадеб и построек татар Астраханской области / Ю.Г. Мухаметшин // Астраханские татары. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1992. – С. 48-73.

Назаров П.С. К антропологии башкир / П.С. Назаров // Известия общества любителей естествознания. – Т. 18. – Вып. 2. – М., 1890.

Напольских В.В. Введение в историческую уралистику / В.В. Напольских. – Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УРО РАН, 1997. – 268 с.

Народы России: энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – 479 с.

Населённые места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий по данным всеобщей переписи населения 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб., 1905. – С. 127-133.

Небольсин П.И. Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский край / П.И. Небольсин // Вестник ИРГО / под. ред. В.А. Милютин. – Ч. IV. – Кн. I. – 1852. – С. 1-34.

Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование / Д.П. Никольский. – СПб., 1899.

Октябрьская И.В. Крещёные казахи Алтая. Конфессиональный фактор в этнической истории XIX-XX веков / И.В. Октябрьская // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 78-92.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета министерства внутренних дел, 1904. – 173 с.

Плешков А.М. Список населённых пунктов Уральской области. Т. II. Златоустовский округ / А.М. Плешков, М.П. Антонов, И.Н. Гридин и др. – Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и Окружных исполкомов, 1928. – 50 с.

Плешков А.М. Список населённых пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ / А.М. Плешков, М.П. Антонов, И.Н. Гридин и др. –

Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и Окружных исполкомов, 1928. – 86 с.

Плешков А.М. Список населённых пунктов Уральской области. Т. XV. Челябинский округ / А.М. Плешков, М.П. Антонов, И.Н. Гридин и др. – Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и Окружных исполкомов, 1928. – 88 с.

Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. – СПб.: Типография Департамента военных поселений, 1843. – 47 с.

Распопов П.Н. Оренбургская губерния в современном её состоянии. Статистический очерк / П.Н. Распопов. – Оренбург, 1884. – 147 с.

Рамазанова Д.Б. Некоторые наблюдения над системой терминов родства и свойства нагайбаков / Д.Б. Рамазанова // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков) / отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. – С. 88-93.

Рогинский Я.Я. Антропология: учеб. пособие / Я.Я. Рогинский, М.Г. Левин. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1978. – 528 с.

Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки / С.И. Руденко. – М.; Л., 1955.

Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. I. Физический тип башкир / С.И. Руденко // Записки Императорского русского географического общества. – Т. 43. – Вып. 1. – Пг., 1916.

Рыбаков С.Г. Русские влияния в музыкальном творчестве нагайбаков, крещёных татар Оренбургской губернии / С.Г. Рыбаков // Русская музыкальная газета. – 1896. – № 11. – С. 1344-1354.

Рыбалко А.А. Традиционная архитектура оренбургских казаков (вторая половина XIX – начало XX века): дис. ... канд. ист. наук / А.А. Рыбалко. – Челябинск, 2007. – 130 с.

Рычков П.И. История Оренбургская / П.И. Рычков. – Оренбург, 1896.

Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым / П.И. Рычков. Часть I. – СПб.: Императорская Академия наук, 1762. – 331 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым / П.И. Рычков. Часть II. – СПб.: Императорская Академия наук, 1762. – 262 с.

Сафин Ф.Г. Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект / Ф.Г. Сафин. – Казань: Магариф, 2004. – 543 с.

Софийский И.М. О кереметях крещёных татар из деревни Тавель Чистопольского уезда Казанской губернии / И.М. Софийский // Труды

Четвёртого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. – Т. II. – Казань: Типография Императорского ун-та, 1891. – С. 68-79.

Спегальский Ю.П. Жилище Северо-Западной Руси IX-XIII вв. / Ю.П. Спегальский. – Л.: Наука, 1972. – 274 с.

Списки населённых мест Российской империи. Т. XVIII. Оренбургская губерния. Список населённых мест по сведениям 1866 года / обр. ред. В. Зверинским; Издан Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. – СПб., 1871. – 108 с.

Станюкович Т.В. Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища / Т.В. Станюкович // Русские. Историко-этнографический атлас. – М.: Наука, 1970. – С. 61-88.

Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты / Ф.М. Стариков. – Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1891. – 249 с.

Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко; Рос. акад. наук, Ин-т этнологи и антропологии им. Миклухо-Маклая, Акад. наук Татарстана, Ин-т истории. – М.: Наука, 2001. – 583 с.

Татищев В.Н. Российская история с самых древнейших времён. – СПб., 1768. – Кн. 1.

Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры / С.А. Токарев. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – 615 с.

Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (хозяйство и материальная культура) / Н.А. Томилов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – 200 с.

Тюхтенева С.П. Среда обитания, хозяйственная деятельность и основные характеристики материальной культуры / С.П. Тюхтенева; отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов // Тюркские народы Сибири. – М.: Наука, 2006. – С. 392-412.

Уразманова Р.К. Годовой цикл общественных обрядов и праздников нагайбаков / Р.К. Уразманова; отв. ред. Д.М. Исаков // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков). – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. – С. 74-87.

Фальк И.П. Записки путешествия Академика Фалька. Часть первая. Путешествие от С.-Петербурга до Томска / И.П. Фальк // Полное собрание учёных путешествий по России. – Том VI. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1824. – 446 с.

Филоненко В.И. Башкиры / В.И. Филоненко // Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1915. – № 2.

Функ Д.А. Хозяйственные занятия и материализованная культура / Д.А. Функ; отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов // Тюркские народы Сибири. – М.: Наука, 2006. – С. 186-204.

Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.) / Н.А. Халиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. – 235 с.

Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, булгарах, славянах и руссах / Д.А. Хвольсон. – СПб., 1869.

Чебоксаров Н.Н. Экология и типы традиционного сельского жилища / Н.Н. Чебоксаров, Н.А. Чебоксарова // Типология основных элементов традиционной культуры. – М.: Наука, 1984. – С. 34-64.

Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях / В.М. Черемшанский. – Уфа: Изд-во ижевск. учён. ком. м-ва гос. имуществ, 1859. – 472 с.

Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем. Исследование Николая Чернавского. Выпуск первый / Н.М. Чернавский // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Вып. VII. – Оренбург, 1900. – С. 127-132.

Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары / Ф.Л. Шарифуллина. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. – 127 с.

Шитова С.Н. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX века / С.Н. Шитова, Р.Г. Гаделгарева // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1979. – С. 78-125.

Шитова С.Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир / С.Н. Шитова // Этнография Башкирии. – Уфа, 1976. – С. 49-97.

Шитова С.Н. Традиционные хозяйственные занятия // Башкиры: Этническая история и традиционная культура / С.Н. Шитова, Н.В. Бикбулатов, Р.М. Юсупов, Ф.Ф. Фатыхова; под общ. ред. Р.М. Юсупова. – Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2002. – С. 45-88.

Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование / Р.М. Юсупов, Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова, Ф.Ф. Фатыхова; под общ. ред. Р.М. Юсупова // Башкиры: этническая история и традиционная культура. – Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2002. – С. 21-44.

Юсупов Р.М. Краниологическое изучение башкир / Р.М. Юсупов // Антропология и популяционная генетика башкир. – Уфа, 1987. – С. 77-94.

Юсупов Р.М. Краниология башкир / Р.М. Юсупов. – Л., 1989. – С. 8-27.

Юсупов Р.М. Материалы по краниологии башкир / Р.М. Юсупов. – Уфа, 1989.

Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России / Р.З. Янгузин. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. – 192 с.

Приложение 1

Численность башкир в России по переписям населения, чел.

Годы	Мужчины	Женщины	Всего
1897	676 035	645 328	1 321 363
1926	341 460	370 906	712 366
1939	—	—	824 679
1959	—	—	953 801
1970	—	—	1 180 913
1979	—	—	1 290 994
1989	—	—	1 345 273
2002	793 184	880 205	1 673 389
2010	—	—	1 584 554

Приложение 2

Численность населения Российской империи в 1897 г., с родным языком башкирским по губерниям и областям¹, чел.

Губернии и области	Мужчины	Женщины	Всего
Уфимская губерния	454 361	445 549	899 910
Оренбургская губерния	133 613	120 948	254 561
Пермская губерния	43 548	41 847	85 395
Самарская губерния	29 115	28 127	57 242
Тургайская область	940	658	1 598
Саратовская губерния	624	638	1 262
Уральская область	398	315	713
Тобольская губерния	293	156	449
Казанская губерния	38	0	38
Симбирская губерния	12	8	20
В других регионах	13 093	8 644	21 737
Всего по России	676 035	645 328	1 321 363

¹ Составлено по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=1

Приложение 3

Численность башкир по регионам РСФСР в 1939 г.¹

Области и республики	Численность (чел.)
Башкирская АССР	671 188
Челябинская область	70 358
Молотовская область	28 952
Чкаловская область	22 484
Свердловская область	8 165
Куйбышевская область	2 646
Саратовская область	1 326
Татарская АССР	931
Удмуртская АССР	362
В других регионах РСФСР	18 267
Всего по РСФСР	824 679

Приложение 4

Численность башкир по регионам РСФСР в 1970 г.²

Области и республики	Численность (чел.)
Башкирская АССР	892 248
Челябинская область	117 537
Пермская область	47 812
Оренбургская область	37 501
Свердловская область	21 428
Курганская область	17 525
Куйбышевская область	5 800
Саратовская область	2 764
Татарская АССР	2 888
Удмуртская АССР	2 005
В других регионах РСФСР	33 405
Всего по РСФСР	1 180 913

¹ Составлено по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=1

² Составлено по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php?reg=1

Приложение 5

Численность башкир по регионам РСФСР в 1979 г.¹

Области и республики	Численность (чел.)
Башкирская АССР	935 880
Челябинская область	133 682
Пермская область	48 752
Оренбургская область	43 269
Свердловская область	30 051
Курганская область	17 664
Татарская АССР	9 256
Тюменская область	9 913
Куйбышевская область	6 320
Удмуртская АССР	3 608
Саратовская область	3 297
В других регионах РСФСР	49 302
Всего по РСФСР	1 290 994

Приложение 6

Численность башкир по регионам РСФСР в 1989 г.²

Области и республики	Численность (чел.)
Башкирская АССР	863 308
Челябинская область	161 169
Оренбургская область	53 339
Пермская область	52 326
Свердловская область	41 500
Тюменская область	41 059
Татарская АССР	19 106
Курганская область	17 548
Куйбышевская область	7 495
Удмуртская АССР	5 217
Саратовская область	4 087
В других регионах РСФСР	79 119
Всего по РСФСР	1 345 273

¹ Составлено по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php?reg=1

² Составлено по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1

Приложение 7

Численность башкир по регионам России в 2002 г.¹

Субъекты Российской Федерации	Численность (чел.)
Республика Башкортостан	1 221 302
Челябинская область	166 372
Оренбургская область	52 695
Тюменская область	46 575
Пермская область	40 740
Свердловская область	37 296
Ханты-Мансийский АО – Югра	35 807
Курганская область	15 343
Республика Татарстан	14 911
Ямало-Ненецкий Автономный Округ	7 932
Самарская область	7 885
Удмуртская Республика	4 320
Саратовская область	3 988
В других регионах России	18 223
Всего по России	1 673 389

Приложение 8

Численность башкир по регионам России в 2010 г.²

Субъекты Российской Федерации	Численность (чел.)
Республика Башкортостан	1 172 287
Челябинская область	162 513
Оренбургская область	46 696
Тюменская область	46 405
Ханты-Мансийский АО – Югра	35 428
Пермский край	32 730
Свердловская область	31 183
Республика Татарстан	13 726
Курганская область	12 257
Ямало-Ненецкий Автономный Округ	8 297
Самарская область	7 290
Удмуртская Республика	3 454
В других регионах России	69 437
Всего по России	1 584 554

¹ Составлено по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php

² Составлено по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php

Приложение 9

Численность башкир Челябинской области по городским поселениям в 2010 г.¹

Названия городов и посёлков городского типа	Численность (чел.)	Названия городов и посёлков городского типа	Численность (чел.)
Челябинск, г.	33 716	Новогорный, пгт	741
Магнитогорск, г.	15 172	Бакал, г.	709
Златоуст, г.	5 420	Катав-Ивановск, г.	570
Миасс, г.	5 167	Троицк, г.	483
Озёрск, г.	3 191	Касли, г.	482
Сатка, г.	2 394	Кропачёво, пгт	384
Копейск, г.	2 383	Коркино, г.	349
Аша, г.	1 993	Пласт, г.	323
Усть-Катав, г.	1 672	Сулея, пгт	298
Верхний Уфалей, г.	1 578	Роза, пгт	243
Межозёрный, п.	1 561	Магнитка, пгт	221
Куса, г.	1 417	Бердяуш, пгт	171
Снежинск, г.	1 384	Верхнеуральск, г.	167
Трёхгорный, г.	1 129	Межевой, пгт	144
Миньяр, г. ²	1 017	Южноуральск, г.	130
Кыштым, г.	985	Карталы, г.	127
Чебаркуль, г.	959	Локомотивный, пгт	53
Юрюзань, г.	861	Южный, пгт	11
Нязепетровск, г.	766	Всего городского населения	Не менее 89 113
Сим, г.	742		

¹ Составлено по: URL: <http://chelstat.gks.ru/>

² Вместе с п. Волково.

Приложение 10

Численность сельского населения башкир Челябинской области по муниципальным районам в 2010 г.¹

Названия районов	Численность (чел.)
Аргаяшский район	24 196
Кунашакский район	15 422
Сосновский район	8 792
Кизильский район	3 383
Красноармейский район	2 485
Чибаркульский район	2 363
Уйский район	2 322
Агаповский район	1 800
Каслинский район	1 387
Верхнеуральский район	1 083
Еткульский район	1 024
Кусинский район	837
Брединский район	665
Нязепетровский район	644
Саткинский район	550
Октябрьский район	494
Троицкий район	262
Нагайбакский район	259
Варненский район	251
Чесменский район	242
Увельский район	210
Еманжелинский район	206
Катав-Ивановский район	201
Карталинский район	194
Коркинский район	102
Пластовский район	59
Всего сельского населения	Не менее 69 433

¹ Составлено по: URL: <http://chelstat.gks.ru/>

Приложение 11

Сословные группы населённых пунктов нагайбаков в 1795 г.¹

Населённые пункты	Сословные группы	Численность (чел.)	
		Муж.	Жен.
Нагайбакская крепость	Казаки	139	122
	Отставные солдаты	31	35
	Помещичьи крестьяне	17	20
	Ясачные новокрещённые татары	18	21
	Ясачные новокрещённые тептяри	80	74
Бакалы	Старокрещённые татары-казаки	148	160
	Тептяри (крещёные ?)	18	15
	Ясачные крестьяне, приписанные к заводу	38	31
	Церковнослужители	8	12
Старое Костеево	Старокрещённые татары-казаки	66	120
Шарашлы	Крещённые казаки	137	179
	Ясачные крестьяне, приписанные к заводу	72	49
Балыклы	Татары-казаки	60	63
	Ясачные тептяри	24	12
	Ясачные крестьяне, приписанные к заводу	12	12
Старые Маты	Татары-казаки	81	53
	Новокрещённые тептяри	19	11
Старое Килеево	Старокрещённые татары-казаки	110	136
Старое Умерово	Старокрещённые татары-казаки	88	95
Новое Умерово	Старокрещённые татары, ранее приписанные к Петровскому заводу	63	46
	Ясачные татары	64	58
Старое Зияшево	Старокрещённые татары-казаки	179	233
Новое Юзеево	Старокрещённые татары-казаки	70	71
	Старокрещённые ясачные татары	69	83
	Старокрещённые татары-тептяри	3	5
	Ясачные тептяри	35	38
Старые Усы	Старокрещённые татары-казаки	13	44
Ахманово	Старокрещённые татары-казаки	74	65
	Старокрещённые татары-бобыли	5	1
	Ясачные крестьяне	15	6
Старое Иликово	Старокрещённые татары-казаки	141	125
Всего мужчин и женщин		1306	1466
Всего населения		2772	

¹ Составлено по: Исхаков, 1995. С. 9.

Приложение 12

Сословные группы населённых пунктов нагайбаков в 1823 г.¹

Населённые пункты	Сословные группы	Численность мужского пола (чел.)
Нагайбакская крепость	Казаки	109
	Тепляри	70
	Государственные крестьяне	22
	Отставные солдаты	19
	Церковнослужители	18
	Дворовые	12
	Шляхтичи	7
Бакалы	Новокрещёные тепляри	20
	Казаки	111
	Ясачные крестьяне	112
	Церковнослужители	9
Ахманово	Казаки	68
	Новокрещёные тепляри	20
	Старокрещёные (татары)	22
	Ясачные крестьяне	12
Балыклы	Казаки	59
	Новокрещёные тепляри	32
	Ясачные крестьяне	3
Зияшево	Казаки	207
	Ясачные крестьяне	63
Иликово	Казаки	126
	Старокрещёные (татары)	54
Костеево	Казаки	47
	Удельные крестьяне	124
Килеево	Казаки	96
	Новокрещёные тепляри	4
	Ясачные крестьяне	182
Старые Маты	Казаки	88
	Тепляри	32
Новые Маты	Старокрещёные	105
Старые Усы	Казаки	39
Новые Усы	Старокрещёные татары	101
	Отписные выморочные крестьяне	32
	Ясачные крестьяне	31
	Новокрещёные черемисы	22
	Экономические крестьяне	10
	Отставные солдаты	2
Шарашлы	Казаки	144
	Старокрещёные татары	53
	Ясачные крестьяне	34
Всего казаков		1094

¹ Составлено по: Исхаков, 1995. С. 14.

Приложение 13

Численность и этнический состав нагайбакских и русских станиц в 1843 г.¹

Название посёлка	Калмыки	Русские	Нагайбаки	Всего
№ 1 Кассель	29	–	200	229
№ 2 Остроленка	19	–	200	219
№ 3 Фершампенуаз	–	–	350	350
№ 4 Париж	32	–	300	332
№ 8 Требия	–	–	200	200
№ 24 Арси	95	205	–	300
№ 31 Куликовка	41	167	–	208
Всего	216	372	1250	1838

Приложение 14

Численность населения нагайбакских станиц в 1844 г.²

Название	Мужчин	Женщин	Всего
Остроленка	257	283	540
Фершампенуаз	464	457	921
Париж	372	399	771
Требия	269	399	668
Всего	1362	1538	2900

Приложение 15

Численность хозяйств и населения нагайбакских станиц в 1853 г.³

Название посёлка	Количество дворов	Мужчин
Кассель	69	241
Остроленка	93	283
Фершампенуаз	156	493
Париж	145	316
Требия	93	293
Всего	556	1626

¹ Составлено по: Правила о переселении. С. 34-37.

² ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1793, л.л. 19 об. – 20.

³ ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1993, л.л. 64 об. – 65.

Приложение 16

Численность хозяйств и населения нагайбакских станиц в 1854 г.¹

Название посёлка	Количество дворов	Мужчин
Кассель	47	268
Остроленка	98	292
Фершампенуаз	156	517
Париж	146	405
Требия	94	299
Всего	541	1781

Приложение 17

Численность хозяйств и населения нагайбакских станиц в 1866 г.²

Название посёлка	Число дворов	Число жителей		
		Мужчин	Женщин	Всего
Кассель	118	372	282	654
Остроленка	116	384	370	754
Фершампенуаз	150	504	599	1103
Париж	156	528	529	1057
Требия	103	358	361	719
Всего	643	2146	2141	4287

¹ ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1993, л.л. 107 об. – 109.

² Списки населенных мест Российской империи. С. 24, 33.

Приложение 18

Численность населения нагайбакских станиц в Верхнеуральском и Троицком уездах в 1897 г.¹

Название посёлка	Количество жителей		
	Мужчин	Женщин	Всего
Кассель	475	472	947
Остроленка	661	687	1348
Фершампенуаз	820	870	1690
Париж	918	961	1879
Требия	779	712	1491
Астафьевский	Нет данных	Нет данных	457
Всего по Верхнеуральскому уезду	3653	3702	9187
Варламово	329	380	709
Попово	469	491	960
Ключевский Второй	459	496	955
Болотово	436	458	894
Краснокаменский	269	284	553
Всего по Троицкому уезду	1962	2109	4071
Всего по двум уездам	5615	5811	13258

Приложение 19

Численность нагайбаков центральной и северной групп в 1926 г.²

Названия групп	Численность
Центральная группа	7722
Северная группа	3227
Всего по центральной и северной группам	10949
Всего в РСФСР	11207 ³

¹ Населённые места Российской империи в 500 и более жителей. – С. 127-133.

² Составлено по: Плешков А.М. Список населённых пунктов Уральской области. – Т.т. II, XIII, XV.

³ Составлено по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=2

Приложение 20

Численность трёх наиболее многочисленных этносов Нагайбакского района по населённым пунктам в 1926 г.¹

Населённые пункты	Численность (чел.)				
	Русские	Нагайбаки	Казахи	Прочие	Всего
Всего по району	8031 (5591) ²	7722	1554 (1134) ³	786	18093 (15220) ⁴
Александро-Невский	578	—	—	51 ⁵	629
Алексеевский	64	—	14	69	83
Арасламбаевский	—	—	201	2 ⁶	203
Арзакуловский	—	—	148	—	148
Арсинский ⁷	2440	—	—	3	2443
Астафьевский	—	455	75	21	551
Балканский	458	—	—	340 ⁸	798
Бесенбаевский	—	—	167	—	167
Желкыбаевский ⁹	—	—	104	2	106
Илень	—	—	98	—	98
Кассельский	—	1284	—	17 ¹⁰	1301
Кинжебаевский	—	—	89	—	89
Копаловский ¹¹	7	—	316	8	324
Красногумбейский	58	—	—	25 ¹²	83
Красный Меч	70	6	—	—	76
Крупский	108	—	—	—	108
Кугенева	—	11	—	—	11
Кужебаевский	—	—	202	—	202
Куликовский	2183	—	—	36 ¹³	2219
Куропаткинский	264	—	—	—	264

¹ Составлено по: Плешков А.М. Список населённых пунктов Уральской области. Т. XIII.

² Без учёта п. Арсинского.

³ Без учёта п. Копаловского и а. Желкыбаевского.

⁴ Без учёта п. Арсинского, а. Желкыбаевского и п. Копаловского.

⁵ Из них 35 чел. — мордва.

⁶ Все — татары.

⁷ п. Арсинский входил в состав Верхнеуральского района.

⁸ Из них 261 чел. — татары.

⁹ а. Желкыбаевский входил в состав Верхнеуральского района.

¹⁰ Из них 16 чел. — татары.

¹¹ п. Копаловский входил в состав Степного района.

¹² Все — украинцы.

¹³ Из них 28 чел. — башкиры.

Населённые пункты	Численность (чел.)				
	Русские	Нагайбаки	Казахи	Прочие	Всего
Михайлова	8	—	—	—	8
Ново-Красногорский	255	—	16	—	271
Ново-Рассыпной	259	—	—	41 ¹	300
Ольгинский	54	—	111	—	165
Орловский	83	—	—	1	84
Остроленский	135	1453	—	18	1606
Отважный	260	—	—	—	260
Парижский	—	2329	43	147	2519
Первоначальный	9	—	—	—	9
Пряшникова	27	—	—	—	27
Требиатский	472	799	—	—	1431
Фершампенуазский	10	1382	—	—	1405
Кордон № 1	46	—	—	5	51
Кор. № 3 (Колдомасов)	—	3	—	—	3
Кор. № 4 (Вершины)	4	—	—	—	4
Кордон № 5	5	—	—	—	5
Кор. № 5 (быв. 6)	7	—	—	—	7
Кор. № 7 (быв. 40)	14	—	—	—	14
Кор. № 8 (Попов)	7	—	—	—	7
Кор. № 9 (Никитина)	4	—	—	—	4
Кор. № 10	4	—	—	—	4
Кор. № 14 (Колчина)	70	—	—	—	91
Кор. № 15 (Карибан)	56	—	—	—	59
Кор. № 27 (Бугранов)	8	—	—	—	8
Кор. Лебединый	5	—	—	—	5

¹ Из них 27 чел. — мордва.

Приложение 21

Численность нагайбаков северной группы на территории Чебаркульского и Уйского районов в 2010 г¹.

Названия районов и населённых пунктов	Численность (чел.)			
	Русские	Нагайбаки	Другие	Всего
Бишкиль	1301	х ²	457	1760
Варламово	1914	11	781	2106
Попово	551	66	58	675
Кундравы	2372	4	253	2629
Болотово	301	12	24	337
Ключевка 2-я	328	17	28	373
Половинка	312	х	37	351
Травники	2167	3	165	2334
Маскайка	540	4	55	599
Чебаркульский район	–	119-121	–	–
Белово	612	х	133	747
Ларино	1523	х	242	1767
Петропавловка	592	х	285	879
Краснокаменка	167	12	29	208
Лебедевка	336	5	33	374
Уйское	6463	3	886	7352
Уйский район	–	23-26	–	–
Северная группа	–	142-147	–	–

¹ Составлено по: URL: // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php

² В материалах переписи под знаком «х» указывается число человек менее трёх.

**Численный состав трёх наиболее многочисленных этносов
Нагайбакского района по населённым пунктам в 2010 г¹.**

Населённые пункты	Численность (чел.)				
	Русские	Нагайбаки	Казахи	Другие	Всего
Александро-Невский	119	3	33	24	179
Арасламбаевский	4	–	270	22	296
Арсинский	910	7	112	39	1068
Астафьевский	39	172	32	10	253
Балканы	170	52	133	152	507
Берёзовая Роща	134	16	30	26	206
Гумбейский	476	41	51	64	632
Заречный	72	х	48	23	145
Знаменка	193	8	73	50	324
Калининский	103	3	56	22	184
Кассельский	161	746	47	44	998
Копаловский	–	2	80	–	82
Крупское	115	11	70	46	242
Кужебаевский	34	117	40	49	240
Куликовский	237	3	36	33	309
Курганный	155	27	83	37	302
Куропаткинский	185	34	120	23	362
Лебединое	142	23	63	58	286
Лесные Поляны	103	7	6	14	130
Набережный	35	–	44	12	91
Нагайбакский	565	45	140	68	818
Новочерниговский	48	9	64	62	183
Остроленский	461	1422	29	109	2021
Париж	250	1336	24	102	1712
Переселенческий	202	21	50	34	307
Петровский	133	44	109	47	333
Подгорный	16	57	105	11	189
Придорожный	99	66	125	35	325

¹ Составлено по: URL: <http://chelstat.gks.ru/>

Населённые пункты	Численность (чел.)				
	Русские	Нагайбаки	Казахи	Другие	Всего
Рассвет	45	7	91	16	159
Северный	559	25	39	189	812
Совхозный	72	7	99	16	194
Слюда	87	21	85	30	223
Требиатский	27	129	27	43	226
Фершампенуаз	2141	1398	294	535	4368
Чернореченский	65	76	71	10	222
Южный	1273	190	60	472	1995
Ягодная	2	–	–	2	4
Всего по району	9432	6127	2839	2529	20927

Приложение 23

Численность нагайбаков по территориям преимущественного проживания в субъектах РФ в 2002 и 2010 гг.

Название региона	2002 ¹	2010 ²
Челябинская область	9087	7679
Тюменская область	195	166
Ханты-Мансийский АО – Югра	173	138
Всего по России	9600	8148

¹ Составлено по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php

² Составлено по: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php

Учебное издание

Ирек Равильевич АТНАГУЛОВ

**ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКУЮ
ЭТНОЛОГИЮ
БАШКИР И НАГАЙБАКОВ**

Учебное пособие

Редактор Н.П. Боярова
Компьютерная верстка Т.В. Леонтьевой

Подписано в печать 25.07.2016. Рег. № 91-16. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1.
Плоская печать. Усл.печ.л. 5,75. Тираж 100 экз. Заказ 334.

Издательский центр ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
455000, Магнитогорск, пр. Ленина, 38
Участок оперативной полиграфии ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»